

ДЁРТ бизни кьуртараджакъ!

Эрфан Кудусовнынъ кьорантасы

Неужели наши музыка, искусство настолько ущербны, что мы ищем им замену в чужой культуре?

Я не хочу показаться нетолерантным человеком и сразу сделаю ударение на том, что я не против чужой культуры. Я за то, чтобы человек развивался, расширял свой кругозор, но при этом глубоко убеждена, в первую очередь нужно знать свое! Неужели наши музыка, искусство настолько ущербны, что мы ищем им замену в чужой культуре?

стр. 2 ►

История одного возвращения (повесть о Мусе Мамуте)

Весь путь до больницы Акьмесджита Айдер держал Мусу за плечо, вытирая кровь на его губах, пока тот не ослабев, не упал головой ему на грудь.

– Ридван, Айдер, – еле слышно прошептал Муса, – то, на что я решился, не пройдет бесследно для наших земляков – и здесь, и в ссылке... – последнее, что он вспомнил, теряя сознание, рыдающего во дворе Юнуса: – Детей моих не оставляйте... Эльвида, достлар...

стр. 5 ►

Неужели наши музыка, искусство настолько ущербны, что мы ищем им замену в чужой культуре?

Пять лет назад в газете *Avdet* была опубликована статья «Как долго мы будем кормить чужую культуру?», но актуальность ее растет с каждым годом все больше и больше! Буквально на днях на одном из диспутов, организованных нашими активистами, тема которого звучала так: «Как стать успешным и не потерять свою национальную самоидентичность», я поднимала проблему «кавказомании» и ее влияние на нашу молодежь, но ничего вразумительного в ответ, к сожалению, не услышала! Поэтому обращаюсь к вам, наши уважаемые организаторы вечеринок, а также те, кто их поддерживает и «фанатеет» от такого рода мероприятий, не зная элементарного об искусстве своего народа, как долго мы еще будем кормить чужую культуру?!

Эта проблема волнует многих! У меня даже мелькнула мысль поднять эту проблему выше простого обсуждения в Интернете, хотела застыдить участников наших промо-групп, которые везут в Крым кавказских «звезд», кто ходит и поддерживает подобные вечеринки... Ведь это правда! Своего совершенно не знают, а песни, таких как Зарина Тилидзе, Эльбрус, Самира, Эльдар Долгатов, Фариз Фортуна, Джандро знают наизусть! Я не хочу показаться нетолерантным человеком и сразу сделаю ударение на том, что я не против чужой культуры. Я за то, чтобы человек развивался, расширял свой кругозор, но при этом глубоко убеждена, в первую очередь, нужно знать свое! Неужели наши музыка, искусство настолько ущербны, что мы ищем им замену в чужой культуре?

И потом... Кого к нам везут? «Артистов», которых у себя никто и не знает, а главное, которые не могут и четырех нот связать! У меня был случай. Пригласили выступить на одну вечеринку (последняя в моей практике), как оказалось на разогрев к одной кавказкой «звезде». Не будем говорить о том, что аппаратура ужасна, что микрофон никакой... Я – артист, плохая техника – это мои заботы, вышла на сцену – выкручивайся сама. И я пою, вживую, сложную песню, с широким диапазоном... И что присутствующие? Упорно едят свой салат! Я пою и слышу, как гремят ложки по тарелкам! Понятие о воспитании, этикете, этого я и близко не увидела... Не все, конечно, такие, но, увы, большинство. Выступая за рубежом, на других площадках, никогда не видела, чтобы при выступле-

нии артиста зритель ел... Что дальше? Выходит приглашенная с Кавказа певица, включается плюс, песенка максимум на четыре ноты и народ в восторге!!

Стыд и позор! Понимаю, что организаторы зовут тех, на кого есть спрос, но вестись на такую дешевизну... При этом, как получится достойный местный музыкальный продукт, если в него никто не вкладывает, и каждый наш артист мелкими шажками перебивается сам? Недавно услышала мнение одного историка: «В период культурного застоя образуется вакуум, который требуется чем-то заполнить и тогда начинаются заимствования у соседних культур»... Я не согласна! О каком застое может идти речь, когда на сегодняшний день в Крыму столько замечательных артистов, причем в нескольких поколениях, несколько ансамблей, не говоря уже о художниках, поэтах и т.д.! А давайте вспомним, сколько у нас прекрасных молодых исполнителей! И опять вернемся к вопросу, что в них никто ничего не вкладывает! Проблема в том, что привезенное из-за границы у нас ценится выше своего, родного. У нас так...

Я не могу говорить за весь Крым, я говорю про свой народ – наш менталитет таков, что свое не ценим. Со мной согласятся многие, того, кто хоть на полголовы вырвется вперед – готовы затоптать. Парадокс Крыма в том, что в талантливых не вкладывают ни копейки, а бездарям открывают все двери. В таких условиях, откуда взяться и как выстоять

людям, которые стремятся поднять культуру? А при этом, представь, ты по крохам собираешь будущий номер, костюмы, аранжировки, выходишь на сцену, а

в ответ жующие рты и ложки по тарелкам... Но! В своем убеждении я остаюсь твердой: творить можно и нужно даже без материальных благ! Но, разумеется, когда твой труд ценится – приятно вдвойне, и вперед ты идешь в два раза быстрее.

Певица, солистка ансамбля «Къырым» Эмине Мустафаева, по материалам интервью проекту «Культурная хроника»

Крымские татары в Чернобыле: как сложились их судьбы?

Трагедия самой большой аварии в истории атомной энергетики – на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года – коснулась и многих крымскотатарских семей. *Avdet* выяснил, что среди наших соотечественников немало ликвидаторов последствий аварии, с негативными эффектами от которой они живут по сей день. С некоторыми из них нам удалось пообщаться.

Таир Мустафаев попал в Чернобыльскую зону в июле 1986 года. Тогда ему было 28 лет. Получив повестку в армию и пройдя медицинскую комиссию, Таир Мустафаев уже на третий день из Симферополя отправился в зону от-

нобыльской зоне два месяца, и это не прошло для его здоровья просто так. В 38 лет он стал инвалидом второй группы. Таир Мустафаев рассказывает, что с крымскими татарам-чернобыльцами познакомился уже в Крыму, со многими до сих пор общается.

Кстати, семья Таира Мустафаева переехала в Крым в 1974 году, поэтому в 1986 году он призывался в армию из Симферополя.

Эскендер Изетов в 1980-х годах жил в Донецкой области. В апреле 1987 года его, 27-летнего офицера запаса, лейтенанта инженерных войск, призвали на полугодовые сборы, 55 дней из которых он провел в зоне отчуждения. В Чернобыле

кие-либо специальные костюмы или иные средства защиты, наш собеседник лишь рассмеялся, заявив, что такое только в кино бывает.

По его словам, выдавали малоэффективные в тех условиях респираторы-лепестки, которые, впрочем, мало кто носил, а трудились инженеры в обычной военной форме.

«У нас была команда рядовому составу ничего не говорить, потому что все бы разбежались. Так и работали. Как на войне. Сложно первые несколько дней, а потом привыкаешь», – рассказывает Эскендер Изетов.

Памятью о работе в радиационной зоне оказалась инвалидность. Радиация отразилась и на здоровье детей ликвидатора – оба его сына также имеют инвалидности.

«Я хотел четверых детей, как у мое-

та, не было. Я и сам лежал в госпитале, поэтому знаю, что никакого лечения не было», – рассказывает наш собеседник.

Фотографий с тех мест у Эскендера Изетова не оказалось. Говорит, что фотографировать вообще-то запрещали (хотя кто-то умудрялся незаметно сделать несколько кадров) да и настроения никакого не было.

В Донецкой области семья Эскендера Изетова оказалась в конце 60-х годов, но сперва, конечно, пыталась вернуться в Крым.

«У меня дедушка был хоть куда, поэтому в 1967 году рванули в Крым, но мы до родины не доехали, нас остановили в Херсонской области. Тогда наша семья решила отправиться в Донецкую область, куда по вербовке еще в 1956 году уехали братья деда», – делится он.

В 1987 году, женившись, Эскендер Изетов переехал в Крым.

Ленур Куртсеитов также является одним из ликвидаторов последствий аварии на ЧАЭС. В те страшные дни он работал в составе группы врачей в Чернобыле. В этом году он отмечает свое 75-летие.

«Как и все, получил огромную радиацию и последствия для своего здоровья, которые не заставили себя ждать.. Слава Всевышнему, что дал сил пережить, – сохранил жизнь. Отец всегда говорит меня спас Бог четырехлетним ребенком в депортации и хранит до этих дней..А он в свою очередь помогает другим людям», – рассказала об отце Анифе Куртсеитова.

Справка. Авария на Чернобыльской АЭС – разрушение 26 апреля 1986 года четвертого энергоблока Чернобыльской атомной электростанции, расположенной на территории Украинской ССР (ныне – Украина). Разрушение носило взрывной характер, реактор был полностью разрушен, и в окружающую среду было выброшено большое количество радиоактивных веществ. Авария расценивается как крупнейшая в своем роде за всю историю атомной энергетики, как по предполагаемому количеству погибших и пострадавших от ее последствий людей, так и по экономическому ущербу.

Таир Мусаев

Эскендер Изетов

Эскендер Изетов занимал должность командира взвода инженерно-саперного батальона. Он рассказывает, что работал и рядом со взорвавшейся станцией и в самой станции. Взвод ликвидаторов-инженеров занимался обслуживанием и ремонтом техники, которая предназначалась для дезактивации радиационных выбросов.

На вопрос о том, выдавали ли им ка-

Ленур Куртсеитов

го деда, но побоялся», – поделился он.

Эскендер Изетов вспоминает, что сам был «закален» экологией Донецкой области, где он вырос, а вот тем, кто приезжал из «зеленых», экологически чистых областей, в том числе крымчанам, приходилось нелегко. Они часто теряли сознание и попадали в госпиталь.

«А в госпитале ничего, кроме спир-

чуждения. Мужчина вспоминает, что жили солдаты в палатках в лесу. Основная их работа в этой зоне заключалась в том, что ежедневно с 5 утра до 22 часов на поливомоечных машинах они смывали с дороги радиационную пыль, чтобы автомобили, возившие на станцию бетон и другие материалы, не наматывали радиацию на колеса.

Так, Таир Мустафаев отслужил в Чер-

25 интересных фактов свадебного обряда крымских татар

*Къзынь бешикте олсун, джегези – сандыкъта
(Дочь пусть будет в люльке, а приданое – в сундуке)*

Свадебный обряд крымских татар издавна считался не только началом новой жизни молодоженов, но и местом для встреч и общения молодежи. Исламские традиции запрещали девушке оставаться наедине с молодым человеком, считалось неприличным и знакомство на улице. *Avdet* предлагает подборку интересных фактов свадебного обряда крымских татар, который на сегодняшний день сохранил, к сожалению, только главные особенности этого старинного обряда.

1. Платок служил своего рода признанием в чувствах, когда юноша дарил его понравившейся ему девушке. Если молодой человек вызывал у девушки ответные чувства, она возвращала ему вышитый платок.

2. Сватами «къудалар» были мужчины в количестве трех человек. Отличительными особенностями их костюмов являлись головной убор – высокий каракулевый «къалпак»; красный атласный

пояс «къушак»; расшитый платок, сложенный по диагонали и перевязывающий предплечье правой руки.

3. Решение о замужестве дочери принимали сначала родители.

4. О согласии выйти замуж за молодого человека родители узнавали через подружку дочери. Она являлась посредником между дочерью и родителями.

5. Цена *калыма* («*башлык парасы*») зависела от достатка родителей жениха и делилась на две части: «*накъыт*» – сумма денег, на которую отец невесты покупал приданое. Вторая сумма *калыма* – «*ники*» обуславливалась в договоре на случай развода или смерти жены. Она оставалась в руках у мужа. *Калым* не представлял собой плату за невесту. Это было возмещением расходов на ее приданое.

Примечание. В брачных договорах села Дереккой можно было встретить следующий список подарков для невесты: 50 единиц мелкого золота «*нусфис*»; 50 – крупного золота «*дукат*»; два платья «*антер*»; серебряный пояс «*йипишли къушак*»; бархатный полушубок «*къуркъ*»; белое покрывало, которым окутывали невесту в дни свадьбы «*фередже-марама*»; 300–500 сажень земли.

В Бахчисарайском районе список подарков состоял из таких предметов: 20–40 турецких золотых монет, которые замужние женщины носили с праздничными нарядами на груди в виде ожерелья – «*герданлык*», или нашитыми на шапочку – «*фес*»; пять пар золотых серег – «*купе*»; серебряный пояс – «*кумюшкъушак*»; три женских праздничных платья – «*атлас-антер*», «*къадифе-антер*», «*шам-аладжа-антер*»; беличья шубка – «*тончук*»; три или четыре шелковых, шерстяных шали – «*пошу*», «*чембер*»; занавес – «*перде*»; головной убор невесты – «*дуак*»; набор медной посуды; матрасы «*миндер*», одеяла «*ёрган*».

6. После достигнутого соглашения обе стороны давали друг другу слово: «*Сёз бир, Алла бир*» (Единое слово, единый Бог), поздравляли друг друга с предстоящей свадьбой.

7. Сваты передавали от родителей жениха принесенное ими золото и шелковый головной платок для избранницы. Родители невесты в знак согласия вручали сватам расшитый дочерью «свадебный» шелковый платок для жениха.

Для этого платка существовало строго установленное расположение узора – в каждом углу вышивался один и тот же мотив. Платок при передаче складывался вчетверо. Четырехугольник символизирует равенство, истину, справедливость, мудрость, несть. Этот первый акт назывался «*сёс кесъги*» – объявление молодых людей официально женихом и невестой «*нишанлы*».

8. Через две недели после обряда «*сёз кесим*» совершалось обручение («*агыр нишан*»).

11. Невеста должна была приготовить «*бохча*» – набор подарков для жениха, который состоял из девяти предметов («*докъузлама*»).

Примечание. В Бахчисарайском районе в этот набор входили: 1) кiset «*кисе*» для табака; 2) футляр для часов «*саат-хане*»; «*саат-къаап*»; 3) «*емен явлукъ*» – этим платком обматывали кисти рук жениха после крашения пальцев хной перед свадьбой; 4) «*ядер явлукъ*» – платок, в который заворачивали сосуд с хной для окрашивания пальцев жениха; 5) две расшитые рубашки «*кольмек*»; 6) подвязка для мужских чулок «*чорап бау*»; 7) пояс-шнур для мужских шаровар «*учкур*»; 8) свадебный пояс «*йипишли къушак*»; 9) «*едеги явлукъ*» – памятный платок.

12. Для родителей и родственников в подарок предназначались расшитые полотенца «*юз без*», рубахи «*кольмек*», кisetы «*кисе*», шарфы «*марама*», шелковые платки «*явлукъ*», бархатные ткани.

13. Набор подарков заворачивали в большой, расшитый по углам металлической нитью атласный платок с бахромой – «*явлукъ*» (у южнобережных –

«*пошу*»). На атласный платок нашивалась бумага с надписью «*Къуран къатым*». Это обозначало, что за упокой души одного из близких родственников жениха невестой прочитан весь Коран.

14. Раньше в дом невесты в качестве сватов приходили двадцать пять мужчин и два молодых человека, которые несли подносы с подарками от жениха.

15. Основную часть подарков составляли украшения для невесты: головные, шейные, нагрудные, украшения для рук, пояса, ног. В этот набор включали золотые серьги «*купе*», два золотых браслета «*билезик*», которые украшали запястья обеих рук, серебряный пояс «*йипишли къушак*», золотое кольцо «*юзюк*»; головные уборы – «*фередже марама*», «*фес*»; два нарядных платья – «*шам-аладжа антер*», «*къадифе антер*»; обувь – «*терлик*», «*палич*»; различного рода ткани. Матери в подарок – ткань, головной убор «*марама*», отцу – полотенце «*юз-без*», рубашку «*кольмек*». Дедушкам, бабушкам, братьям, сестрам, родственникам – ткани, кisetы «*кисе*», полотенца «*юз-без*», платки «*явлукъ*», шарфы «*марама*» и т. д. Подарки вручались родственникам невесты, взамен молодые люди получали расшитые рубашки «*кольмек*».

16. Приданое невесты состояло из большого количества медной посуды, килимов, матрасов, подушек, шерстяных одеял, постельного белья, полотенец. С раннего детства девочки занимались вышиванием на головных платках «*баш явлукъ*», шарфах «*марама*», «*шербенти*», салфетках «*яг-без*», что являлось частью приданого.

Примечание. По описанию Каралезли, в деревне Дереккой мать девушки должна была до свадьбы увидеть дом, в котором предстояло жить ее дочери. Родители невесты получали приглашение со стороны жениха. В этот вечер теща дарила будущему зятю кiset «*кисе*» или портсигар «*саат-хане*». Следующий

визит был со стороны родителей жениха. Во время встречи голову будущей свекрови покрывали шалью «*топракъ ба-сты марама*». Будущая свекровь дарила невесте платье «*антер*», в котором невеста выходила знакомиться с родственниками жениха на следующий день после свадебного пиршества. Во время визитов оговаривался и день свадебного торжества. За неделю до свадьбы несколько мужчин со стороны жениха приносили в дом невесты *къалым* (все вещи, условленные при торге). В подарок от невесты им вручали рубашки «*кольмек*», полотенца «*юз без*», кisetы «*кисе*».

17. Со дня обручения девушка ходила с шалью «*чембер*».

18. Для шитья свадебного платья пригласили портниху «*терджи къадын*» (сшить свадебное платье означало выкроить новую кожу, т.е. начало новой жизни).

19. Празднование самой свадьбы «*той*» сопровождалось различными обрядами и происходило параллельно в

домах невесты и жениха. Свадебное пиршество продолжалось до четверга. Гости на пиршество приходили в удобное для себя время (утром, днем, вечером).

20. По исламским традициям, мужчины и женщины во время пиршества находились в разных комнатах. Желающим посмотреть приданое невесты отводилась отдельная комната.

21. Музыкальное сопровождение, угощение, песни и танцы продолжались в течение всех дней. В четверг невесту перевозили в дом жениха – это самый важный момент в свадебной церемонии дома невесты.

22. Сборы заканчивались, когда в комнату входили родители и отец опоясывал дочь серебряным поясом в знак благословения, прочитывалась молитва. После обеда, чтобы перевезти невесту в дом жениха, приезжали сваты и свидетель жениха «*шаат*». Жених и его родители в этом процессе не участвовали. Подруги вместе с невестой рассаживались в комнате. Входил мулла и два свидетеля «*шаат*» (мужчины – родственники со стороны невесты и жениха), начинался *никях*.

23. Обряд опоясывания талии дочери отцом – символ начала новой жизни. Обряд покрывания головы сына отцом каракулевой шапкой «*къалпак*» – знак благословения на новую семейную жизнь.

24. Свадебные наряды жениха и невесты – символ супружеской верности. Покрывание головы невесты покрывалом «*фередже марама*» – это запрет на девушку, которая составляет чью-то собственность. Обряд раскрывания невесты, снятия с нее «*фередже марама*» женихом – знак покорности.

25. Заключительная сцена, когда жених с невестой разували друг друга в первую брачную ночь – это знак преданности друг другу.

По материалам исследования
Лейли АБЛЯМИТОВОЙ

КЫЗЫЛЧЫК ТАТЛЫСЫ

Говорят, что о вкусах не спорят. Поэтому для каждого из нас вкус Крыма будет разным. Но в целом все вместе мы можем собрать прекрасную мозаику, составленную из вкусов людей, проживающих на этой благодатной земле, и ничего лишнего в ней не будет, каждый вкус будет на своем месте.

Для меня Крым – это вкус кизилового варенья («*кызылчык татлысы*»), которое я пробовала только у себя на Родине. Это особенное угощение, немного терпкое, вяжущее, с кислинкой – гармоничная палитра вкуса, отражающая все краски крымской земли, на которой растет эта ягода.

Давайте представим, что на дворе осень, кизил поспел, и мама варит из него варенье, снимает розовую пенку с кипящей массы, а душистый аромат разбегается по всем уголкам дома. А потом представим зимний вечер: вся семья дружно пьет чай с кизиловым вареньем. После чаепития время для *сказочной истории о родном Крыме...*

Давным-давно в одном селе жили две сестры-сиротки. Старшая была душевная, веселая, добрая и покладистая. За это в селе ее прозвали Джанлы. А младшая была вредной, упрямой и всегда недовольной. За это ее прозвали Джарыз. Девушки жили в стареньком доме, занимались хозяйством и работали злотошвейками у одной богатой дамы.

Раз в день девушки спускались с кувшинами к роднику. Джанлы всегда напевала приятную мелодию, и ее кувшин быстро наполнялся водой. А у Джарыз никогда не хватало терпения дожидаться, пока кувшин наполнится. Возвращаясь с родника, Джанлы весело перескакивала с камня на камень и не расплескивала ни капельки. Джарыз же обходила все камни на пути, не пела, а только ворчала что-то себе под нос и доносила до дома лишь половину кувшина, расплескав часть воды в пыль.

Обе девушки мечтали поскорее выйти замуж, но никто к ним не сватался, уж больно бедные они были, а покойные родители не смогли им оставить ничего в качестве приданного. Но сестры не отчаивались, они были очень красивые, да и были мастерицами в вышивании золотыми нитями, так что будущее им грезилось счастливым, в котором будет и дом полная чаша, и добрый муж, и много детей.

Богатая дама, у которой работали девушки, платила им нещедно, но разрешала забирать обрезки ткани, лоскуты. Дома в свободную минуту девушки старались сшить из лоскутов что-нибудь на продажу. Джанлы любила вышивать цветочные узоры, а Джарыз – геометрические. На рынке большим спросом пользовались изделия из цветными, но сестра-вредина не хотела с этим соглашаться и продолжала вышивать скучные фигуры. Тогда добрая сестра, чтобы не расстраивать младшую, тихо вставляла по ночам и дополняла вышивку упрямыцы своими чудесными узорами.

Однажды девушки сшили много товара на продажу и решили пойти на рынок, чтобы выручить за свою работу несколько серебряных монет, чтобы отложить эти деньги в качестве приданного.

Пока они шли по пыльной дороге, Джарыз постоянно жаловалась на острые камни, на жару, на то, какая у нее нелегкая доля, ведь она заслуживает не ходьбы пешком, а поездки на бричке с лошадью в упряжке. А Джанлы только улыбалась в ответ и под-

бадривала сестру словами: «Осталось совсем недалеко, дорогая сестрица. Хочешь, я помогу тебе нести твою корзину?» Так девушки добрались до города Къарасубазар, где были самые богатые рынки во всем Крыму.

Пройдя в ряды золотошвейек, девушки разложили свой товар, и очень скоро он был весь продан. Девушки выручили целых десять серебряных монет за свой труд бессонных ночей.

Пора было собираться в обратную дорогу, только Джарыз стала упрямиться и требовать, чтобы перед уходом девушки осмотрели все товары на рынке. Проходя от лавки к лавке, девушки мечтали, что когда-то у них будет достаточно монет, чтобы купить все, что пожелается. Джарыз уверяла некоторых продавщиц, что скоро вернется за полюбившейся феской, туфельками или кюшаком, вот только выйдет замуж за богача. Продавщицы охали в ответ и улыбались. Джанлы скромно молчала, даже если ей по вкусу пришлись и феска и кюшак, которые выбрала ее сестрица.

Когда все лавки были осмотрены, девушки направились к выходу. У ворот на рынок стоял пожилой седовласый человек. Он был чем-то очень расстроен, что сразу заметила добрая Джанлы. Она подошла к человеку, несмотря на то, что Джарыз тянула ее за рукав, пытаясь остановить от разговора с незнакомцем.

– Что с Вами случилось, агъа? – спросила Джанлы.

– Ох, балам, – запричитал пожилой человек, – беда случилась со мной. Мошенники обманули меня и забрали все мои деньги, вырученные от продажи саженцев. Что же я принесу домой своей семье?

Джанлы, не раздумывая, развязала платок с десятью серебряными монетами и протянула старику. Джарыз не успела даже ахнуть!

– Агъа, возьмите вот эти деньги, сказала Джанлы, – я и моя сестрица заработали их своим трудом. Мы еще зарабатываем, будем шить и вышивать день и ночь, так что не переживайте, примите эту помощь.

Старик был поражен добротой девушки. А вредная сестрица уже налилась красной краской, готовая закричать и на сестру, и на старика. Но тут пожилой человек потянулся к мешку и достал два саженца.

– Добрые девушки, вот все, что у

ягоды не успевают так быстро, и не нужно ни с кем делиться.

Осенью, наконец, стал поспевать и кизил. Джарыз строго следила, чтобы ни одна ягодка не досталась никому. Когда же, наконец, ягоды налились соком, она впервые сорвала одну и с удовольствием положила ее в рот. Какое же удивление было, когда вместо сладости, рот наполнился кислотой с вяжущей горчинкой.

– Ах ты, противный старик! – закричала Джарыз, – Ты обещал, что ягоды будут сладкими, а что в итоге у меня выросло?

Джанлы пыталась успокоить расстроенную сестру. Она собрала ягоды, промыла их, сварила сахарный сироп, и опустила в него кизил. Вскоре необыкновенный аромат наполнил дом сироток. Когда сироп стал темно-красным, а ягоды набухли, напивавшись сладкой массой, девушки попробовали, что получилось, и остались так довольны вкусом, что даже вредина Джарыз засияла доб-

меня есть. Я не могу просто так принять вашу помощь. Только если вы примете от меня эти саженцы и посадите их у себя в саду. Растите их с любовью, и вы будете очень довольны плодами своего труда, – сказал старик и пригласил жестом принять его дар.

Джарыз бросилась к саженцам. Сначала она схватила кустик, густо усыпанный листочками. Но стебли оказались с шипами. И тогда она взяла второй саженец – без шипов. А Джанлы достался колючий. Поблагодарив старика, девушки пошли в родное село. По дороге Джанлы колосась о шипы и звонко смеялась, а Джарыз повторяла: «Это тебе в наказание за то, что ты слишком добрая и отдала все наши деньги за эти дурацкие саженцы!»

Сестры посадили два куста у себя в саду. Джанлы поливала свой куст обильно, принося полный кувшин воды с родника каждый день. А Джарыз ленилась, не доносила воду, так что ее кустик доставалось всего половина кувшина воды.

Прошло два года. И вот весной оба куста зацвели. Вскоре из завязи появились зеленые ягоды. На колючем кусте были ягоды малины. А на кусте без шипов – ягоды кизила. Малина быстро поспевала под жарким летним солнышком, и вскоре Джанлы угощала сестру и всех соседей спелыми ягодами. Джарыз радовалась, что ее

рой улыбкой. Прошло немного времени, и никто в селе уже не мог нарадоваться на Джарыз – девушка очень изменилась, стала общительной и веселой. Неужели кизиловое варенье оказалось волшебным?

Слава о новом угощении сестер-сирот разнеслась по округе. Прослышал о нем и юноша по имени Селим из дальнего села, по другую сторону от Къарасубазара. На одном из праздников, где Джанлы и Джарыз угощали всех кизиловым вареньем, Селим был поражен красотой и приятными манерами Джарыз.

Однажды в пятницу, после Джуманамаза, к сироткам постучали сваты. Когда Джанлы и Джарыз открыли двери гостям, то ахнули от изумления – одним из гостей был отец влюбленного юноши, и это был тот самый старик, который подарил им саженцы. Как же они обрадовались встрече, поцеловали руку старику в знак уважения и посадили на самое почетное место в доме. Девушки рассказали, как благодаря кусту кизила они поняли, что если не отчаиваться, то можно преодолеть любые трудности. И тогда кислинка превратится в сладость.

Джарыз и Селим вскоре поженились и стали жить в дальнем селе за Къарасубазаром. А еще через год уже играли свадьбу Джанлы. Девушки получили все, о чем мечтали.

Давайте и мы никогда не будем отчаиваться, и будем всегда помнить, что любые препятствия можно пройти, если помыслы наши чисты и добры. И будем мечтать о самой лучшей судьбе для нашей Родины – Крым, для его замечательного народа, и тогда ин ша Аллах все это исполнится.

Сусанна ЭНБЕР-КЪЫЗЫ
Иллюстрации
Заремы ДЖЕМИЛЕВОЙ

Муса Мамут – крымскотатарский Данко

Перед вами очередной литературный шедевр известного писателя Тимура Пулата «История одного возвращения (повесть о Мусе Мамуте)», который впервые публикуется на русском языке на страницах газеты Avdet. Переведенный на крымскотатарский язык текст произведения напечатан в газете QIRIM. На этот раз автор произведения о последних днях жизни Номана Челебиджихана («Скажи смерти: нет!»), которое уже завоевало народную любовь, берется обернуть в художественный облик ключевые события из жизни не менее выдающегося крымского татарина, навсегда оставшегося в истории Крыма и сердцах соотечественников своим бесстрашным подвигом, Мусы Мамута.

В основе произведения реальные события из жизни «живого факела» Мусы Мамута, повесть «населена» персонажами, имеющими прототипы с их настоящими именами. Автор на протяжении всего сюжета держит читателя, знающего о трагической судьбе Мусы Мамута, в напряжении. Цель писателя не просто рассказать о подвиге крымского татарина, а описать его моральное состояние накануне саможжения, его характер и красоту души, показать его трепетное отношение

к жене и детям, его самоотверженное стремление жить на родине предков, не смотря на все преграды и трудности.

Текст произведения насыщен перекличками с текстами священных писаний – Корана и Библии. Каждая глава сопровождается эпиграфом из Корана или Библии, а также из знаменитого «Завещания отца» ветерана крымскотатарского национального движения Амета Моллаева. Муса изображен правдивым, глубоко верующим мусульманином, перио-

дически цитирующим аяты и суры из Корана. Писатель использует аллюзии на жизнь пророка Мусы (Моисея): Муса Мамут повторил подвиг Моисея и вывел свой народ из плена «фараона Сталина».

Автором приведена и реминисценция на легенду о Данко (из рассказа Максима Горького «Старуха Изергиль»), пожертвовавшего своим сердцем ради того, чтобы вывести свой заблудившийся в болотах народ. Рассказывая эту легенду детям, Муса как бы готовит их к тому, что человек, пожертвовавший собой, чтобы осветить путь другим, никогда не умрет в сердцах людей.

Особый драматизм сюжету придают и мелкие детали, описанные автором: сравнение с землей кладбище в родовом селе Узунджа, где покоились предки Мусы, продажа-обмен надмогильных крымскотатарских камней прямо в строении дюрбе, в котором покоился святой, «факельное шествие» дружинников – акция, организованная для запугивания крымских татар и др.

Текст произведения насыщен словами и выражениями на крымскотатарском языке, различными народными приметами, поверьями (*мына санъа кемик тиш. Бер манъа алтын тиш; баланы сипиркинен урмагъа олмай, осьмесиз* и др.), отрывками из песен.

Сказанное выше свидетельствует о том, что написанию повести «История одного возвращения» предшествовала долгая и кропотливая работа, связанная с изучением истории крымских татар, их обычаев, традиций, знакомство с целым архивом материалов о трудностях возвращения народа на родную землю.

У крымскотатарского народа немало национальных героев, занявших свои места на страницах истории. Однако в литературе далеко не все из них нашли свое подлинное место. Художественное же слово Тимура Пулата навсегда вырвало имена двух национальных героев – Номана Челебиджихана и Мусы Мамута – в граните мировой литературы. Надеюсь, на этом писатель не остановится.

ТИМУР ПУЛАТОВ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ (повесть о Мусе Мамуте)

Дети, умирая, я завещаю вам: Не забывайте: есть Родина и у нашего народа. Она там, на берегу Черного моря – ваш Крым, где следы истории наших предков, их слезы, горе и плач ...

Амет Моллаев (Кърымлы Аметы), «Завещание отца»

I

На крутом повороте Феодосийского шоссе, ведущего через Симферополь к Бахчисараю, одиноко выехал пост дорожной милиции, обитый листовым железом, звенящий от жары степного воздуха. В тени строения скучал, сидя в кресле мотоцикла и положив короткие ноги на руль, лейтенант. С виду молодой, загорелое лицо его оттеняли белесые густые брови. Он то и дело, вздыхая, расстегивал китель от духоты, то снова спешно застегивал на все пуговицы, чтобы казаться по всей строгости, когда дежуривший на посту сержант, чеканя шаг, выносил гостю очередную кружку нагретой в бочке воды, но тот лишь глотнув и поморщившись, полоскал рот и выплевывал обратно, озабочено поглядывая направо – налево.

Метрах в пятидесяти отсюда шоссе сужалось из-за вырытой вдоль нее канавы, с поверхности которой легкий бриз доносил запахи зловония.

Окрестные вороны, наловчились, как чайки, нырять в окрашенные животной кровью воды канавы, схватывая на лету клювами обрезки кожи, желудка, кишок, медленно выпадающих из горла канализации расположенной неподалеку скотобойни.

В этот субботний день у лейтенанта был отгул, но жена – строгая казачка – погнала мужа к скотобойне за свинными лапами для домашнего холодца.

Чтобы самому подъехать к воротам скотобойни, надо было сделать солидный круг – мимо зацветшего озера, по краю одного холма к другому, посему у лейтенанта был сговор с охранниками скотобойни: он будет ждать их у дорожного поста, куда от скотобойни пешком шагов триста по узкой тропинке.

Сержант вынес еще кружку воды и заметил легкую дрожь в руках лейтенанта, когда тот глянул на часы – оговоренное с охранником время перевалило за полдень. Чтобы скрыть волнение, лейтенант нашел, что сказать постовому:

– Не отвлекайся от дороги. Заметил в машине или в повозке татарина – проверь документы. Куда? Зачем? Что везете? Нет ли чего запрещенного?

– Так их в ближнем селе всего три-четыре семьи и обчелся... В неделю поедет один татарин – да и то хорошо, – простодушно ответил сержант, пожимая плечами.

– Запомни: всегда от трех-четырех и начинается буча, – нравоучительным тоном спарировал лейтенант. – Прочитай на досуге историю..., – но, не пояснив, какую историю, стал сквозь зубы материть нерасторопного охранника скотобойни.

Чтобы не ударить в грязь лицом перед старшим по званию, постовой сморщил лоб:

– Припоминаю историю... В бытность рядовым про-рабатывали на политзанятии написанное товарищем

Павленко о татарах... Неплохо подает писатель, убедительно.¹ – И широко раскрыв рот с мелкими зубами, смачно зевнул, и лицо его снова приняло скучное выражение под стать общей атмосфере дороги, где в зной почти не было видно ни машин, ни повозок, кроме рейсового автобуса, делающего здесь всего две остановки за весь световой день.

Автобус показался из-за поворота весь в дыму и затормозил в метрах десяти от поста. Из него вышел рослый мужчина лет сорока-сорока пяти с чанта² в руке. На скуластом строгом лице его, едва он ступил на обочину, сменилась гамма чувств – от радости до тревоги. Напряжение в глубоко посаженных глазах от нескольких вздохов спало. Но продолжая дышать полной грудью здешним воздухом, по которому, видимо, соскучился, приседал, разминая от долгой езды ноги, будто проверял саму землю на прочность.

Все это время лейтенант, заслонив ладонью козырек фуражки от солнца, всматривался в приезжего. Узнав его, с тревогой глянул на тропинку, откуда должен был с минуты на минуту появиться охранник со свинными лапами – ему явно не хотелось, чтобы сошедший с автобуса стал свидетелем получения им мзды.

Мужчина, не обращая внимания на стоящих у поста, присел, приложился лбом о землю, прочитал дуа³, как принято у паломников после долгой и опасной дороги домой:

– Аллахумма, инни би-Кя мин васаи-с-сафари...⁴

Затем развязал чанта, вынул такие,⁵ разгладил ее и надел, прикрыв седину на затылке.

– Что он делал? – удивленно спросил сержант.

– Молитву читал... Народ отсталый..., – скривил губы лейтенант, и едва успел выразить возмущение, как мужчина уже направился в его сторону.

– О! Сапрыкин Сергей!⁶ – приветствовал он лейтенанта с легкой иронией в голосе. – Поздравляю! За полтора года пока меня не было дома, вижу, вы выслужились из старшины до старшего лейтенанта... Сколько еще наших крымских вам удалось выселить из домов...? – И пока мужчина приближался к Сапрыкину, всматриваясь в погоны на его плечах, тот нашелся, что ответить:

– Я тебе не Сергей, а Сергей Васильевич. Мы с тобой на брудершафт водку не пили... Да, пока другие шлялись по тюрьмам, мы служили верно народу. – Встал рядом с постовым, ища его одобрения.

– Ну, да! Простите – забыл, мы здесь не народ, а чужаки... Всего доброго! – Слегка пригнувшись, мужчина поклонился.

– Ты перед кем ерничаешь? Перед представителем закона? Ну ладно, до скорой, – угрожающе подчеркивая каждое слово, сухо ответил Сапрыкин и повернулся спиной к мужчине, переходящему дорогу.

– Кто этот татарин? – поинтересовался постовой, вертя в руке жезл.

– Муса Мамутов, – произнес он. – Обычный уголовник, живет здесь незаконно, за что засадили мы его в Кременчугскую колонию, за шестьсот километров подальше от Крыма, а жене дали два года условно... Думали, сгниет он в лагере, забудет сюда дорогу. – Мрачно кивнул Сапрыкин в сторону домов села,

плотную выстроенных у шоссе. – Поселился в Донском⁷ по улице Комсомольская в 136 доме. Запомнил? Следи за ним: куда идет и зачем? Остановившись: будь он в машине, в повозке или на мотоцикле...

– У татарина есть мотоцикл? – Поинтересовался постовой, поправляя жезлом фуражку.

– Слушай! – прервал его Сапрыкин, – сбегай-ка на тропинку вниз, узнай, в чем задержка... А я покамест подежурю... – И в нетерпении обошел вокруг здания поста, обклеенного объявлениями: «Продаются дома в селах Мазанка, Донское, Дмитрова. Татар просим не беспокоить». «Татар просим не беспокоить», – в рассеянности повторил Сапрыкин, наблюдая вслед за уходящим сержантом.

II

«Вот дом вечный... Мы даруем его тем, кто не желает возвыситься на Земле и не сеет смуту». «Коран, сура «Аль-Касас»

(из прочитанной Мусой молитвы)

Муса, чувствуя, что давний его оппонент Сапрыкин наблюдает за ним, твердым шагом шел к дому, один угол которого, сложенный из ракушника и дерева, выходил к дороге. И чтобы попасть к себе, надо было обогнуть длинный, огораживающий колхозный забор, над ним с первыми петухами и до темноты неотступно кружились вороны и голуби, соревнуясь между собой в поисках зерна.

Чтобы быстрее встретиться с домочадцами, Муса ступил на тропинку, ведущую коротким путем во двор к одиноко живущей соседке Афросии Мезенчук. Она-то, несмотря на негласный запрет, после долгих мытарств в поисках жилья Мусой, и продала ему половину дома, за год до его ареста.

Мезенчук была чуть ли не последней из рода православных, живших в Крыму с екатерининских времен, и, будучи свидетелем войны и высылки крымских татар, всегда спорила с соседками-кумушками, сидя у ворот на лавке:

– Зачем возводить напраслину на татар? Они также воевали с фрицами, как и мы, не хулиганили, не насильничали... Сталин во всем разберется и вернет их обратно... Так что не смейте заходить в их опустевшие дома. Зариться на чужое – грех великий!

В последнее время, слабеющая телом Афросия, почти не выходила из дома, по второму-третьему разу листая уже обветшалые страницы Библии, вчитываясь в убегающие строчки текста, приставив к еще зрячему левому глазу стекло очков.

Услышав, как крипало залаяла дворняжка, высунувшись из будки, старушка, с трудом переступая через порог, полусогнутая, опираясь на трость, вышла из хаты и, разглядев в пришедшем Мусу, плеснула руками и перекрестилась:

– Боже праведный, Миша вернулся! Ведь не зря сказал сын Божий Иисус: блаженны плачущие, ибо они утешаются, блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. – Почти одновременно с ее удивленным возгласом дворняжка завилыла хвостом, узнав соседа.

– Как вы, баба Фрося? – Муса дотронулся до её плеч. – Вижу в полном здравии...

– Да в каком полном, и половины здоровья не осталось. Все выдуло куда-то с теплом и бабьей силой, – говорила она через паузы, подкрепляя свои слова движением бровей и руками. Перевязав на голове цветастый платок, почти разговорчески шепнула: – А твоито знают? Вот обрадуются...

– Не знаю, дошло ли письмо..., – Муса пошарил рукой и достал из чанта кусок ржавого хлеба из лагерного пайка на дорогу и протянул дворняжке, которая тут же сжала хлеб между зубами. И, перешагнув через низенький плетеный из ивовых прутьев забор, ступил к себе во двор.

Двор был весь в клубах пыли, и слышен шорох метлы. Муса с детства приученный отцом Ягья-ага к порядку и педантичности во всем, первую минуту был удивлен: кто это из домашних подметает сор, не увлажнив землю под ногами?

По баш явлукъ⁹, в котором любила щеголять старшая дочь, отец узнал Диляру.

Услышав позывной кашель, Диляра оглянулась и бросилась к отцу. Тихая, не любящая высказывать излишние эмоции, она прижалась к груди Мусы тяжело дыша:

– Баба! Баба кельди!⁹ – И не зная, как еще выразить обуревавшие ее сложные чувства радости и горечи от всего пережитого за время его отсутствия, с трудом выговорила:

– Агълайджагъым келе...¹⁰

– Куледжегим келе!¹¹ – поглаживая дочь по голове, передразнил ее Мусса. Заметив, как Диляра изменилась за прошедшие полтора года, подумал: «Уже невеста...».

– Из-за пыли столбом я сразу и не узнал тебя, – продолжал Муса полушутливым тоном.

– Нам воду перекрыли и свет. – Диляра, словно чувствуя за это собственную вину, поступила взор. – Сказали, чтобы уезжали отсюда... Не писали вам, баба, чтобы не расстраивать...

Муса слегка побледнел, сжав губы, и махнул рукой:

– Ну, это мелочи жизни... А где остальные?

– Мама отправилась в степь за шиповником, Сабрие и Юнус за водой к роднику...

Еще раз внимательно, в деталях, осмотрев двор, где Муса посадил яблоню и ореховое дерево, едва обзаведшись домом, а между ними – розы, тюльпаны, выглядевшие сейчас поникшими без обильного полива.

Заметив, что отец направился внутрь дома, Диляра побежала вперед, пододвигая к порогу кожаные башмаки – нест, в которых он обычно ходил в комнате. И только сейчас, когда отец шагнул через порог, Диляра почувствовала такое облегчение, словно тяжесть, давившая все долгие дни и месяцы, отпустила душу.

Муса даже в самых трудных, почти не разрешимых обстоятельствах, связанных с возвращением семьи на родину, – всем своим видом, походкой, тембром голоса внушал домашним чувства защиты и уверенности. И в большей мере это вдохновляло сына Юнуса, который в его возрасте во всем пытался подражать отцу. Когда они шли по улице, Юнус в своих мальчишеских грезах неизменно воображал себя в роли телохранителя. Забегал вперед, высматривая, есть ли опасность за углом или в темном месте, что радовало и забавляло отца. И особенно остро переживал Юнус за отца, когда одиннадцатилетним вместе с семьей вернулся в Крым, где, как оказалось, их никто не ждет, более того, пытаются выжить их обратно на чужбину.

Зная о приметах и обычаях, о которых поведала ей с младенчества мать, и среди них – после долгого отсутствия человек должен снова войти безупречно чистый дом, Диляра, ступая на шаг впереди отца, смахивала пыль со стола, кровати в комнате, служившей детям и спальней, и кабинетом, где они делали уроки.

Муса, испытывая волнение от знакомых запахов, привычного света детской, задержал шаг, чтобы поправить слегка перекосившуюся рамку на стене с семейным фото. Вся многочисленная семья в сборе, когда фотограф на миг остановил счастливое время в родовом доме села Узунджа. Всякий раз, когда Муса всматривался в потемневшее от времени фото, гамма чувств переполняла его сердце, радость детства и горечь утрат. А ведь не будь изгнания, сидевшие на стульях на фото – отец Ягья, мать – Хатидже – были бы живы и сейчас, в благородном возрасте старости, как и стоявшие по бокам от них – братья и сестры, которых Муса похоронил вслед за родителями на чужой земле. И с ними он, двенадцатилетний отрок, с серьезным уже взрослым взглядом, в короткой овчиной куртке – кысыбка тонь – с кушаком: к нему крепился нож и сумка – полный набор башибузука.

Снимок, помнится, сделан за год до изгнания. С отцом Муса простился на сельском кладбище с. Баяут, близ города Мирзачуль, затем в Янгиюле следом ушла и мать, так же, как и муж, не достигшая шестидесятилетнего возраста. Они в самые первые годы ссылки предали земле тела двух сыновей и двух дочерей, умерших от голода и малярии. Только Аллах знает, каково родителям хоронить своих детей! И таких родителей Муса знал в одном лишь Баяуте больше четырех десятков.

Из всех, кого заснял фотограф, в живых он, двое братьев, также давших клятву вернуться на родину следом за старшим – Мусой.

Братья шутили, прощаясь с ним на вокзале:

– Недаром тебя назвали именем пророка Мусы... Чтобы ты вывел своих братьев из плена фараона Сталина... А за нами последует и весь народ... Бизге душман олган падишахларга Аллах инсаф берсин, – шептал Муса. – Бизлерге де Ватанга кьайтмагга кьысмет этсин...¹²

Сейчас он хозяйским взглядом осмотрел стены и потолок комнаты, где пятнами осыпалась штукатурка – там они ютились вместе с Зекие. Задержав на окнах занавески от солнца, Муса переоделся и снова вышел во двор. Среди множества отговорок в сельсовете, не желавшем узаконить его пребывание в Крыму, был и такой, мол, по санитарным нормам семье из пяти человек запрещено жить в двух маленьких комнатах.

– Какая трогательная забота о нашем здоровье! – попытался иронизировать Муса, услышав этот довод от председателя совета Сафронова. – Но мы закаленные. В ссылке теснились в одной комнате барака десять человек. Как видите, выжили... В доме, купленным мною, могу пристроить еще три комнаты. Площади хватает...

Лишь ближе к вечеру, когда Муса в задумчивости бродил по двору, внимательно разглядывал землю и старательно мял глину меж пальцами, услышал за спиной восторженные возгласы Зекие и детей, хором восклицавших:

– Акъшам шерифлернъиз хайырлы олсун,¹³ – сопроводившиеся объятьями и поцелуями.

Волнение не улеглось даже тогда, когда сели за ужин. Зная, что Муса не любит рассказывать о своих злоключениях в лагере, Зекие, словно смущаясь чего-то, обмолвилась:

– На все, что дал мне перекупщик за корзину шиповника, купила немного творога и буханку ржаного хлеба.

– Мама, как партизан. Знает, как тайными тропами добираться в Акъмесджит на базар. – Юнус с момента встречи, не отводящий восторженного взгляда от отца, прижался к нему плечом. – И никто не догадывается, что ей, условно осужденной, нельзя выходить за пределы дома... Уверен, сама Алиме Абденнанова¹⁴ взяла бы ее с собой в разведку...

«Как невзгоды взрослят детей», – подумал Муса и еще раз внимательно посмотрел на сына с дочерью и Зекие.

Даже радостное переживание от сегодняшней встречи не сгладило на ее лице усталость.

«Аллах мне дал хорошую жену и мать», – не впервые думал Муса. – Без ее смекалки и доброго нрава дети у себя на родине умерли бы от голода, как мои братья и сестры в Баяуте...».

Чтобы разбавить беседу чем-нибудь отвлеченным от нынешних забот, Муса сказал:

– Знаете, дети, пророк Муса (мир ему!) в пустыне питался растениями, из которых толкут в ступе манную крупу, а наш пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха!) съедал в день лишь несколько фиников и насыщался...

Близко к полуночи Зекие тихо прошла в комнату детей. Вернувшись к кровати, прошептала Мусе:

– Обычно они долго не могли заснуть даже при зажженной керосиновой лампе... Впервые все уснули крепким сном, зная, что их отец за стеной. А Юнус, тот вообще улыбается во сне от счастья...

III

«Скажи: «Вот стезя моя... Мы знаем свой путь – я тот, кто за мной последуют».

(Коран. Сура «Йусуф», прочитанная Мусой Мамутом)

Зато Муса так и не смог сомкнуть глаз. Казалось бы, первая ночь на свободе, усни с улыбкой на лице, как твой сын. Но – нет! Размышляя, пытаюсь предугадать, что еще придумает Сапрыкин и иже с ним, чтобы сделать жизнь семьи невыносимой? Впрочем, лейтенант Сапрыкин – лишь пешка в этой изнурительной борьбе с беззаконием. Иной раз Муса замечал на его лице усталость: «Да мне все это безразлично – татарин приехал или мордвин», но всякий раз чувство долга, замешенное на лжи, на бессердечии заставляло бросать в лицо возвращенца бодрящее в споре: «Как ты разговариваешь с представителем власти!?».

За год с лишним здесь, до заключения в Кременчугский лагерь, Муса успел изучить все нехитрые действия власти – предупреждения, угрозы, штрафы, аресты на две недели – таков путь к повторному тюремному заключению.

Муса взял себе за правило и здесь, и в ссылке – в Баяуте, где жил в первые годы изгнания с родителями, сестрами, братьями, затем в Янгиюле, где женился на Зекие, в Чирчике, откуда оправился назад, в Крым – в этом круговороте мест и местечек на чужбине – никогда, ни при каких обстоятельствах не показывать перед родными, друзьями ни тени тревоги и растерянности, выказывая упорство и целеустремленность.

Вот и сейчас, если в его отсутствие власти пошли

еще на одну пакость – оставили семью без света и воды в такую знойную жару – надо найти выход, не давая повод домочадцам для уныния.

Еще накануне, пока не стемнело, Муса обошел двор, заглядывая в каждый угол. На месте, где надо выкопать колодец, указывают особые приметы. К примеру, муравьи. В палисаднике муравьи тянулись друг другу навстречу вверх-вниз по стволу орешника. Еще комары вьются там, где неглубоко тянется водяная жила. И с серым брюшком степные ленивые мухи назойливым жужжанием будто норвяты вытянуть влагу из-под песчаника.

Приметы эти Муса узнал от отца Ягья-агья, гонявшего овец и лошадей в поисках воды, и в засушливый год в Узунджи рыл колодец не только себе, но и односельчанам.

Вот и сыну пригодилась наука отца, когда в изгнании вместе с таким же ссыльным – Ниязи Меметовым – нередко подрабатывал, сооружая колодцы в узбекских дворах.

Пластами срезая покрытую соляной коркой землю, изгнанник ощущал непривычные поначалу запахи, настоянные на травах чужого края. Это будоражило его память, возвращая к детским годам.

Отец разжигал костер вокруг свежeverытого колодца из корневищ, извлеченных из податливой земли. И наполнив бадью, плескал студеной воду вокруг пламени и на вопрос удивленного Мусы: кого он выплескивает вместе с водой из темного колодца, отвечал то ли в шутку, то ли всерьез:

– Учъ башлы дев...¹⁵

Мусса, зачарованно глядя на огонь, пытался разглядеть лик водяного дива в пляске пламени. И видя, как пламя расползается, пожирая траву, мучился загадкой: чувствует ли трава, что горит, а птица, случайно опалившая крылья, а человек? Или что-то собирается в объёме пламенем человеке, что заглушает боль и страдание?

Много времени спустя, уже на чужбине, эти детские фантазии неожиданно обернулись жуткой картиной на берегу реки Чирчик.

В последние два года, до решения вернуться в Крым, Муса был мирабом¹⁶ – смотрителем берегов реки, откуда по арыкам уходила влага на хлопковые поля. В жаркие месяцы воду пускали по ним только по ночам и лишь по свету луны можно было видеть, не затопило ли поле с еще не созревшими кустами и вовремя закрыть шлюзы.

Хлопоты по работе успокоительно сглаживались на рассвете в минуты отдыха звуками реки – от шума по каменистому дну до еле слышного, похожего на свист невидимой птицы, встречающей первые косые лучи солнца.

Были хлопоты и поважнее. Местные сельчане умоляли пустить в их сады и огороды больше воды, пытались подкупить мираба и его помощника из местных Мумтаза связкой дынь или мешком картошки, и, видя непреклонность Мусы, даже угрожали расправой...

Мумтаз, с добродушного лица которого никогда не исчезала улыбка, чтобы показать свою храбрость и значимость, ездил на вечно спотыкающемся наполовину облезлом однопорбном верблюде, понукая его криками:

– Халь! Халь!

Пожалуй, это был единственный верблюд во всей округе, и без своих сородичей он дряхлел на глазах и с трудом выдерживал обоих, когда Муса садился впереди Мумтаза, прижавшись телом к горбу.

Мумтаз, женившись на казашке, перебрался сюда из Бухары и часто ностальгически вспоминал город и разные истории, связанные с ним.

Рассказывал про некоего соседа, кособокого Уктама, любившего ходить по кварталу и буквально вынюхивать, кто в каком доме находится на последнем издыхании. Услышав скорбные плачи домочадцев, кособокий первым забегал к ним с соболезнованием, чтобы успеть закрыть глаза покойнику, получая от этого некое вдохновение.

Ностальгировал Мумтаз по своему городу, частенько проезжая с Мусой вдоль берега реки, покачиваясь на верблюде, будто ленивый шаг животного тербил его память.

– Халь! Халь! Не знаю, как в других местах, но Бухара в годы войны пережила настоящее переселение народов... Сначала к нам привезли евреев из Польши, спасавшихся от немцев. В каждом доме поселили по одной, а то и по две семьи. У нас три беженца заняли комнату внизу, а один был священник ихний – ксендз, странный, нелюбимый, поднимался к себе в болохону¹⁷, избегая встречи со своими земляками... Хваткий народ, не долго думая – сразу за дело – кто-то ювелиром, а кто-то шил хромовые сапоги, такие которые носил Сталин, для местного начальства, были и часовые мастера... У меня сохранилась и фотография, сделанная в день их отъезда. Отец – Исхак, матушка – Ризван, братья и сестры, как сейчас помню их имена, – София, Давид и сын их – Абрам... Ксендз сбежал, не хотел фотографироваться. Замечу, многим переселенцам из Польши так понравилось у нас, что хотели остаться навсегда. И в каждом слове благодарили Сталина, прося у него защиты, – рассказывая все это, Мумтаз чмокал губами, будто от воспоминаний во рту

у него становилось сладко. – Спустя пару лет после войны завезли к нам греков. Говорили, что их преследуют «черные полковники», захватившие в стране власть... Переселенцы, как я понимаю, были коммунисты с семьями. Эти тоже, хотя и были идейными, сразу же ударились в доходное дело: скупали дома, слегка подкрашивали их и перепродавали. Почти все они перебрались в Ташкент – город хлебный и по сей день не хотят возвращаться на родину, – Мумтаз лукаво глянул на Мусу, желая сделать приятное бригадирю, и после паузы, продолжил:

– Я много думал: почему вы, крымские, за столько лет не приняли сердцем нашу землю? Были и такие, кого едва выгрузили из вагонов, а они не, обустроиваясь у нас, старались сразу вернуться в Крым... Что тянет и сейчас? Наверное, не только море, родные горы и благоухание цветов... Вот моя казашка жила в юрте в степи, где за сотни километров нет ни дорог, ни селений. Одни верблюды, моего я пригнал, посадив не нее жену. Первое время она хворала от смены климата, но потом привыкла... И когда я иногда ей угрожаю, что сделаю талаяк¹⁸, когда она въедается мне в печенки, угрожаю: вернешься к себе в юрту, а она в ответ показывает мне фигу... Несправедливость. В отношении вас совершена великая несправедливость... Это мучает душу – и не позволяет крымцам ни на минуту забыть дорогу домой...

Муса, слушая душеизлияния Мумтаза, думал: как резко изменилось за прошедшие три десятка лет отношение местных жителей к крымским татарам – от враждебности и неприятия чужаков, до сочувствия и сопереживания к их горю. Шли друг другу навстречу два народа с единой верой, схожестью языка и обычаев. Учились у узбеков терпеливо переносить невзгоды: «Сабр таги сар олтын»¹⁹. Местные же среди многих достоинств ссыльных отмечали их умение упорно идти к цели и крепость духа.

Мумтаз, втолковывая односельчанам, спорящим с мирабом из-за воды, недовольным его упрямством и неподкупностью, часто использовал выражение, услышанное из уст самого Мусы:

– Ташны сыхьса, сувуни чыкьарыр.²⁰

Мумтаз хотел было продолжить рассказ о переселении народов, но вдруг крикнул, прыгивая с верблюда.

Верблюд, почувствовав облегчение, согнул передние ноги, помогая озадаченному Мусе встать на землю.

Мумтаз бросился навстречу женской фигуре, обнятой пламенем, бежавшей, спотыкаясь и падая по мосту с правого берега реки. Казалось, вихрь огня, поддуваемый ветром, поднимает ее столбом вверх.

Первое мгновение от неожиданности покачнувшись, прислонившись к дереву:

– Сестрица! Что Вы наделали?! – Мумтаз бежал, размахивая руками, словно пытаясь сбить пламя.

Женщина, поскользнувшись, упала в воду, барахтаясь в поднятой волне.

Мумтаз нырнул за ней следом и, схватив женщину за руку, подплыл обратно к берегу.

Какой-то подросток, рыбачивший, спрятавшись в камышах, пытался ему помочь. Подоспел и старик, рыдая, с одеялом в руках.

На суше с тела женщины вместе с обуглившейся одеждой, лентами сползала кожа.

– Доченька, что ты наделала?! – Старик, упав на колени, накрыл ее одеялом. – Это грех перед Аллахом... Ты не подумала о детях, о своих престарелых родителях... Погубила свою душу, дарованную тебе Аллахом для благих дел...

Женщина-факел так впечатлила Мусу, что в первые дни увиденное чудилось ему, когда приходил к берегу реки... Чтобы избавиться от наваждения, попытался поделиться случившимся с Зекие, но она запротестовала:

– Не рассказывай! – и не найдя себе места, ходила из угла в угол комнаты.

Хотя она была наслышана, что среди узбеков бывают случаи самосожжения – от позора изнасилования, побоев мужа, от безысходной бедности и чувства вины, что не может прокормить детей, но услышанное из уст мужа задело ее не меньше, чем самого Мусу...

IV

«Как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного...?»

(Из прочитанного в Библии Афросией Мезенчук)

Первым стук, доносящийся со двора, услышал проснувшийся Юнус. Вздрогнув, он сел на кровать, протирая глаза, чтобы понять: что это?

С того дня, как вселились в этот дом, наполовину обветшалый, с прохудившейся крышей и перекошенными окнами и дверями, Юнуса и сестер пугал любой посторонний шум за стенами. Всякий раз им казалось, что вот снова Сапрыкин с дружинниками ворвется во двор с угрозами выселить всех из дома и под конвоем отправить назад, в Узбекистан. Матери же с отцом угрожал тюрьмой, когда Мусса, стараясь быть невозмутимым, отвечал:

– Никуда не уедем, мы у себя на родине!

Независимый тон Мусы еще больше раззадоривал лейтенанта, и он продолжал в который уже раз рассуждать о законе и порядке, примешивая угро-

зничку не расставалась, даже выходя из дома, прижимая книгу, как нечто спасительное, к груди, соседка промолвила:

– Ничего все наладится – и свет будет, и вода, и хлеб на столе, когда народ твой потянется за такими смельчаками, как ты... Ведь написано: «И сказал Моисей родственнику: мы отправимся в то место, о котором Господь сказал...», тот ответил: «Я пойду в свою землю и на свою родину...» – И погладила дрожащими пальцами черный переплет Библии. – Это о таких изгнанниках, как ты... Скажи, Миша, наверное, нечто подобное сказано и в вашем Коране?

Муса напряг память, вспоминая, и процитировал суру «Аль-Араф»:

– Знатные люди из народа Фирауна сказали ему: «Неужели ты позволишь Мусе и его народу распространять по земле нечестие?» Он сказал им: «Мы будем убивать их сыновей... Мы обладаем непоколебимой властью над ними...». Господь внушил Мусе откровение: «Ночью отправляйся в путь с моими рабами и проложи для них по морю сухую дорожку...» Фираун с войском бросился преследовать их, но море покрыло их полностью... – Муса сделал паузу, посмотрев на Мезенчук, слушавшую его с закрытыми глазами, будто представляла себе картину морского перехода возвращенцев, и вздрогнула, когда Муса пояснил:

– Фираун – Фараон по-арабски...

– Да, да, – заговорчески прошептала соседка. – Фараон – это тот усатый горец, который наверху, который вас изгнал. – И перекрестилась, как будто на нее нашло озарение.

Отношение к «усатому горцу» у нее менялось по мере того, как память на недалекие события стиралась вместо ярких воспоминаний о пережитом в давнем времени. Если в первые годы после войны Афросия убеждала кумушек: Сталин не ведает о высылке крымских татар и, узнав, накажет совершивших злодеяние и вернет всех обратно в Крым. Но в последние годы она часто вспоминала об отце, как его раскулачили и сослали в студеную Сибирь, пока прочла в Библии историю Фараона – «кару египетскую» и пленного народа Моисея. Так Фараон из пирамиды Хеопса превратился в ее сознании в «усатого» за Кремлевской стеной...

– Пока тебя ироды держали в тюрьме, – вдруг отошла от отвлеченной беседы соседка, – у меня колодец заилился...

– Я так и подумал... Иначе мои не ходили бы за три километра к ручью... Закончу здесь и займусь вашим...

Мезенчук хотела еще что-то добавить про засушливое лето, но память снова окунула ее в Священный текст:

– Ты сильный, Миша... О таких, как ты, сказано в Евангелие: «Как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного...», – и повернулась обратно к себе, не желая отвлекать Мусу от работы. – Не свяжет тебя, Монгол... Они лишь блефуют...

Почти с первого дня знакомства соседи прониклись друг к другу доверием. Афросия поставила условие на продажу части дома, где жил сын с женой, уехавшие искать лучшую долю в Киев:

– Чтобы сосед не был пьяницей, лентяем и фанфароном, хотя сразу поняла: не может быть пьяницей беспробудным, а тем более фанфароном человек, почти месяц с семьей искавший жилище в окрестных селах, где было много пустующих домов на продажу, но с неременной оговоркой – «татар просят не беспокоить».

Муса и Зекие, чем могли, помогали по хозяйству одинокой старушке, часто хворавшей.

А тут еще Муса и его семейство в чем-то казались живыми персонажами из ветхозаветных времен – по судьбе изгнанников и терпящих угрозы и невзгоды возвращенцев.

– Не будь я всю жизнь учительницей по биологии, непременно занялась бы изучением Священных Книг, чтобы доказать маловерам-атеистам, что Иисус Христос – не выдуманное лицо, а реальный, во всей своей плоти... – призналась она как-то Мусе и на его вопрос: поймут ли маловеры? – отвечала почти по Достоевскому:

– А иначе как?! Если Сын Божий не следит за каждым нашим шагом, значит – все дозволено?! И разбой, убийство, разврат...?

А о Зекие старушка как-то сказала:

– Пока ты, Миша, сидел под присмотром злодеев-надзирателей, я одним глазом следила за твоей женой... Идет, бывало, по улице, а навстречу русский или татарин – опустит голову и пройдет, поздоровавшись... Как будто о ней выразился в притчах Соломон: «Кто найдет добродетельную жену? Цена ее выше жемчуга. Уверено в ней сердце мужа, и он не останет-

Али Трасинов

зы. И Юнусу, в страхе наблюдавшему за перепалкой из окна, казалось, что Сапрыкин так враждебно настроен не к тем, кто вернулся на свою землю, а к непонятым существам в скафандрах с Марса или Луны. Так он детскими фантазиями старался приглушить беспокойство за отца.

Особенно тяжкими для семьи оказались последние полтора года, когда Муса был сослан в Кременчугский лагерь, куда письма доходили раз в два месяца. И Юнусу, приручившему во время школьных каникул белохвостую сороку, которая клевала из его рук и любила взлетать к нему на плечи, казалось: пока идет от отца письмо с неволи, птица могла бы трижды облететь земной шар.

Юнуса особенно страшил своим видом один из дружинников, сопровождавший Сапрыкина, по кличке Монгол, с раскосыми глазами на одутловатом от частого пьянства лицом. Видя, что у Сапрыкина слабели аргументы в споре с Мусой, Монгол, шагнув вперед и угрожающе вытягивая губы, вставлял:

– Да что с ним канителить?! Свяжать по рукам и ногам – и на вокзал в телячий вагон...

И так живет семья под угрозой выселения с первых дней весны 1975 года, когда соседка Мезенчук, несмотря на строгий запрет, продала часть дома.

Увидев, что отец орудует лопатой, копая яму, недалеко от палисадника, Юнус, прыгнув с кровати, облегченно вздохнув и сообразив, чем тот занят, выбежал во двор:

– Колодец! – обрадовался и, чтобы показать, что отец не зря учит его родному языку, повторил: – Къую! Къую! Чем Вам помочь?

– Пока ничем. Вот уйду в яму до плеч, поможешь вытаскивать ведром глину. – Муса прижал ногой лопату к земле и посмотрел на сына и, уловив в его взгляде уныние от ежедневного хождения с сестрами за водой далеко, в степь, добавил: – Недолго вам осталось таскать на себе воду из ручья... Даю слово...

Юнус, взбодрившись, прыгая на одной ноге, покакал в дом.

Следом на ним посмотреть на работу Мусы пожаловала и соседка.

– Какой же ты неугомонный, Миша... Не успел, как следует отдохнуть, отдышаться, и снова за дело...

– Что поделаешь, тетя Фрося... Вода – жизнь...

Привыкшая во всяком деле, даже незначительном, находить созвучие в Библии, с которой Ме-

сы без прибавки... Уста свои открывает с мудростью и кроткое наставление на языке ее...»

Баба Афросия как ступила к соседу во двор, без лишнего шума, так и тихо ушла, в очередной раз найдя во всем увиденном и услышанном от Мусы переключки с библейскими мотивами. Даже сорока, сидевшая на плече у Юнуса, напомнила ей слова из Евангелия:

– «Взгляните на птиц небесных: они не сеют и не жнут, и не собирают в житницы; и Отец Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их..?»

Эти же гости еще за воротами громко шутили, возбужденные в предвкушении встречи с другом, вернувшимся из заключения.

Вошедшие во двор Ридван и Айдер застали хозяина дома по пояс в яме.

Друзья долго не могли унять волнение от встречи – обнимались, хлопали друг друга по плечу. И чтобы успокоиться, по традиции уселись под айваном и хрипылыми голосами запели.

Сочиненная безымянным переселенцем из крика души изгнанных с родины, она стала народной песней, и каждая группа поющих подбирала к ней свою мелодию, сообразно обстановке.

Вот и они, встречаясь в гостях друг у друга, напевая эти строки, тосковали по родичам, все еще находящимся на чужбине. У Мусы в Узбекистане оставались два брата, у Ридвана – сестра и дядя, у Айдера же – восьмидесятилетний тесть и двоюродный брат...

Заметив, что Ридван оглядывает двор, будто ожидая кого-то, Муса сказал:

– Мои все при деле. Зекие ушла в степь за шиповником, а дети – за водой к роднику... – И вынес из дома низенький столик – кьона, который смастерил собственноручно, и поставил под навесом.

Ридван достал из сумки хлеб, груши, рассыпал в тарелку дольки ореха, смешанного с изюмом, и перед тем, как начать трапезу, погладил рукой покрытый лаком столик, любясь его резными ножками. Он поражался неистовому стремлению Мусы и в купленном доме во всем создать атмосферу родового гнезда в Узунджи. Соорудил недалеко от навеса фурун-печь, желая, чтобы дети во всем – в быту, в одежде, в еде, манере вести себя ощущали вокруг национальную атмосферу, что поможет им среди прочего в совершенстве овладеть родным языком. В Узбекистане они вынуждены были ходить в школу с русским или узбекским языком обучения, а словосочетание «крымский татарин» первые два десятилетия вообще было запрещено упоминать даже в местных газетах и учебниках.

Прочитав дуа, приступили к скромной трапезе. Как и Муса, Ридван и Айдер с семьями жили впроголодь. Врача-стоматолога и бывшего техника авиационного завода здесь не брали на работу как незаконно проживающих в Крыму. Ридван и Айдер перебивались случайными заработками, занимаясь извозом на стареньком «Москвиче». Полная противоположность характеров помогала им уживаться без ссор и упреков. Ридван полнолицый, решительный не только в походке и жестах, но и в действиях, Айдер – высокий, худощавый, производил впечатление человека, которого все время что-то сдерживает, скрывает, оттого он и не говорит громко, и улыбается через силу.

Не успели друзья допить кофе, как ворота распахнулись. Во двор шагнул хмурый, истекающий потом лейтенант Сапрыкин с дружинниками, один из которых – Монгол в засаленной соломенной шляпе.

Делая вид, что не сразу заметил сидящих под навесом, лейтенант, посеревшими от жары глазами, внимательно оглядел двор, переведя взгляд по окнам дома, будто искал что-то запрещенное: ему чудилось, что во всех семьях возвращенцев припрятаны аппараты для перегонки спирта, продажей которого они якобы и сводят концы с концами.

– О, давно не видел вместе эту теплую компанию! – Сапрыкин всматривался в лица сидящих под навесом, желая понять: пьяны ли они?

Услужливый Монгол, который, говоря словами украинской поговорки, лез вперед батьки в пекло, приблизился к навесу и повел носом, при этом ноздри его раздулись больше его узких глаз.

Убедившись, что все трое трезвы, Сапрыкин строго сказал:

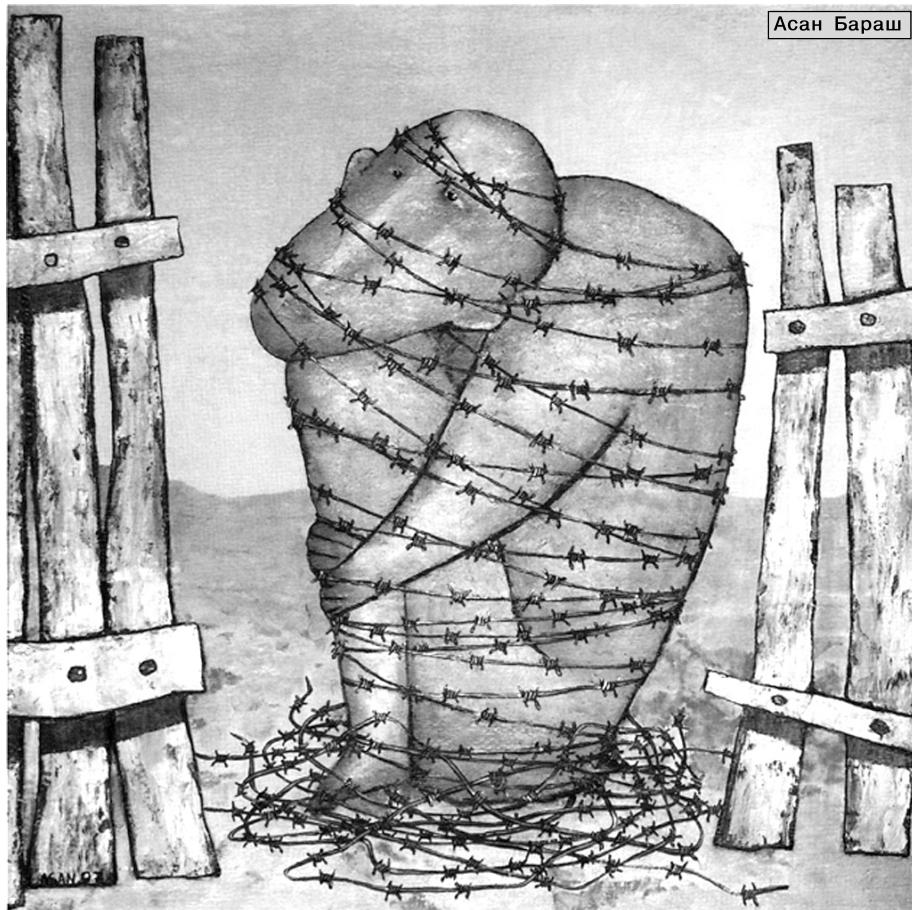
– Прошу – господа-товарищи ваши паспорта!

Дружинники стали по обе стороны айвана, тяжело дыша от духоты.

– Сергей, ты ведь на неделе проверял наши с Ридваном документы у поста ГАИ, – напомнил Айдер, нехотя доставая из кармана паспорт.

– Я тебе не Сергей, а Сергей Васильевич, – повторил Сапрыкин свою любимую присказку, считая ее очень остроумной, – мы с тобой водку на бру-

дершафт не пили. – Так, умник Джемалетдинов Айдер... нет штампа, Незаконно проживаешь в Донском... Чарухов Ридван – также незаконник, – Листая паспорта, он почему-то говорил тихо, но угрожающе, как будто его тон должен действовать безотказно. – А ты, Мамутов, вернулся из мест, не столь отдаленных, еще не успел сходить в сельсовет. Так ведь – не успел?! А вас двоих – Чарухов и Джемалетдинов могу сейчас же доставить к следователю. И он решит: назначить вам очередной штраф или же завести уголовное дело, как было это с Мамутовым... неужели вам, господа-товарищи, самим трудно явиться в паспортный стол, – издевательским тоном продолжил лейтенант, прекрасно осведомленный, что такое хождение ничего хорошего не сулит возвращенцам. – Ждете, пока паспортистка сама к вам явится с поклоном, мол, дорогие татары, узаконьте свое местожительство в Донском, как законопослушные советские граждане...

Асан Бараш

Его юмор мог оценить лишь Монгол, подхихикивающий после каждого слова лейтенанта. Но Сапрыкин поняв, что перебарщивает, кивнул в сторону, где рылся колодец:

– А тебе, Мамутов, кто разрешил на территории двора, который по закону тебе не принадлежит, рыть то ли траншею, то ли подземный ход... ха! - ха! – Наверняка напрямиком обратно в Узбекистан...

Из-за ограды на шум выглянула Мезенчук, еле слышно поворчала и поняв, о чем речь, заявила:

– Колодец, Миша, роет на своей земле. Ее я продала законно. Следующий раз приедешь, собаку спущу с цепи... Совсем замучили семью, ироды... Разве тебе не завещали предки через Библию: «Пришельца не притесняй и не угнетай, ибо вы сами были пришельцами...» Ты пришелец то ли с Урала, то ли из-за Урала. А эти ребята на своей земле.

Сапрыкин в сердцах махнул рукой в сторону соседки Мусы:

– Мне твоя Библия не указ, бабка дремучая... И ты ответишь не перед Библией, а перед советским законом за то, что продала часть дома татарину, зная, что все в селе отмахиваются от таких покупателей... – И резко повернулся, спрашивая перед уходом:

– Чья эта тарангайка стоит у ворот?

Ридван, раздраженный, ушел от прямого ответа.

– Хотите, обыщите машину... Вам всюду мерещится, что мы, крымские, взрывчатку перевозим или паленую водку на продажу.

После того, как за воротами послышался рокот удаляющегося мотоцикла Сапрыкина, тяжелое молчание первым прервал Ридван:

– По сообщению армянского радио²¹ в районе работает некая Клавдия Ивановна Колос... Говорят, за определенную мзду положительно решает наши проблемы в паспортном столе, у нотариуса... Кто за то, чтобы найти к ней лазейку?

Айдер и Муса промолчали, переглядываясь друг с другом.

– Мне об этом еще в лагере сообщили, – проговорил Мамут через силу. – Раньше армянского радио... Рано или поздно – все тайное становится явным...

– Но что с того? – словно очнулся от тягостных мыслей Айдер. – Чиновники всегда прикроют свои...

Муса оглядел двор и тяжело вздохнул, будто двор сделался для него тесен от невеселого настроения гостей.

– Вы как хотите... Я же думаю, в глазах властей уже испустил вину, возвратившись на родину и отси-

дев в лагере... никогда и никому не буду платить мзду за право жить здесь и умереть...

– Ладно, эта тема снята с повестки, – Ридван поднялся и у самых ворот еще раз обнял Мусу...

V

«Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?»

(Из прочитанного Афросией Мезенчук в Библии)

Сапрыкин заглушил мотоцикл у сельсовета – длинного, одноэтажного, серого здания, где, кроме кабинета председателя, размещался опорный пункт милиции с паспортным столом, изба-читальня, клуб и медпункт с парикмахерской.

Массовик-затейник клуба гитарист Петро с изяществом фокусника водил кистью, раскрашивая выцветшие буквы на большом щите у входа в помещение.

Обращение, висевшее здесь не один год и время от времени терявшее от смены жары и холода привлекательность, было обращено к переселенцам, но не тем, кто возвращался к себе на родину, а к оставляющим свои края, чтобы перебраться в Крым, в пустующие дома крымских татар.

«Товарищи колхозники и колхозницы, – торжественно гласило оно. – Переселяйтесь в богатую и плодородную Крымскую область», – обновлял яркой краской строки массовик-затейник. И далее: «С 1951 года проводится переселение колхозников в колхозы Крымской области. Переселение проводится из числа трудоспособных и добросовестных граждан, имеющих в составе семьи не менее 2-х трудоспособных лиц. Колхозникам, переселившимся в Крымскую область, правительство Союза ССР предоставляет следующие льготы и преимущества».

Далее шел перечень льгот и преференций, коих насчитывалось одиннадцать: бесплатный проезд, провоз багажа и скота, выдача единовременного пособия в размере 800 рублей на главу семьи и по 300 р. на каждого члена семьи, заселение в свободные жилые дома с дворовыми постройками и приусадебными участками... Дойдя кистью до этих строк, массовик-гитарист почувствовал головокружение от резкого запаха краски, присел, покачиваясь на лавку.

Поравнявшись с ним, Сапрыкин закашлял и грубо сказал массовику:

– Когда ты закончишь с этой галиматей?

– Я был рад, Сергей Васильевич, – вскопчил с места маляр. – Однако ж велели навести лоск... Николай Пантелеймонович сказали: сей плакат – витрина нашего сельсовета. Должен быть всегда ярким, привлекательным под стать колхозу-миллионеру, на чьей земле стоит наше здание...

– Очковитательство все это, – проворчал Сапрыкин, продолжая кашлять от удручающего запаха.

Впрочем, у Сергея Васильевича, вместе с семьей откликнувшегося на всесоюзный призыв к благодатному воздуху и целебной морской воде, быстро наладилась служебная и личная жизнь. Наслушавшись злонамеренных слухов о татарах, якобы топивших в колодцах чужих детей во время войны, он поставил себе целью «отовсюду искоренять татарщину», позабыв о том, откуда произрастают его собственные корни. И лишь Афросия Мазенчук, желая защитить Мусу, напомнила Сапрыкину, что он и сам пришелец из залупистой, разоренной войной деревни под Воронежем.

К тридцати семи годам всеми правдами и неправдами, выслужился Сапрыкин до звания старшего лейтенанта, чем неизменно гордился. А ведь в своем родном селе был бы он в лучшем случае свинопасом или почтальоном, топающим к адресатам по болотной слякоти, а зимой по колено в снегу.

Как и было обещано переселяющимся в «богатую и плодородную Крымскую область», Сапрыкины поселились в пустующем со времен высылки хозяев просторном доме.

По беспорядку в обстановке можно было догадаться, что гонимые прикладом в спину прежние хозяева в спешке забрали лишь самое необходимое в узелки и дощатые чемоданы. А все ценное – ковры-килимы на полу, одеяла и подушки, сложенные на сундуках и в нишах-камерах, встроенных в стены, медная и гончарная посуда на полках были разрисованы паутиной и покрыты слоем пыли... Вышитые вручную яркие узоры на полотенцах, рядами свисающие со стен, были изъедены вездными насекомыми.

С первых дней старший Сапрыкин чувствовал себя неуютно, среди всего, как он выразился: «чуждого татарского-мусульманского». Ходил даже в сельсовет, мол, нельзя ли вселиться в бесхозный дом с русской печью.

Аким Антонович Сафронов – бессменный председатель долго изучал список селян, прикусив кончик карандаша, и чуть было не обрадовал старшего Сап-

чением линий стен, высоты крыш домов, низеньких хозяйственных пристроек, слепленных из досок и фанеры новыми хозяевами. В основном же, корневая часть тысячелетнего села, не подвластная переменчивости времени, осталась, и пройдя несколько улиц, Муса легко нашел дом, где родился, и где набожный отец пропел ему суру «Фатиха», назвав ее «Матерью Корана», и с того дня заставлял Мусу заучивать ежедневно по несколько аятов, тихим, вкрадчивым голосом, разясняя их потаенный смысл.

Муса почувствовал такое волнение, что даже в хрипе овчарки за воротами поначалу ему почудился зов из загона любимого коня по кличке Вефа.²⁷

– Кто там? – раздался возглас со двора.

После голоса с капризными нотками Мусе расхотелось стучаться в ворота, тем более они выглядели чужими – перекрашенные в зеленый цвет, покрывающий густым слоем резной орнамент на створках.

Муса шагнул к ограде и встретился взглядом со щедедушным мужчиной в роговых очках, вышедшим на лай собаки.

Неожиданно он забежал обратно в дом. А через пару минут снова показался уже в солдатской гимнастерке с ружьем в руках. Хотел было направить ружье на Мусу, но еще раз глянув на гостя и, уловив в его глазах миролюбие и растерянность, опустил оружие... Услышав слова приветствия, спросил с досадой:

– Вы ведь татарин? – И, заметив легкий кивок, переменял тон: – Я человек интеллигентный, лишен всяких предрассудков. И к стати, в первый раз направляю на человека ружье... Нам тут столько рассказали о возвращающихся татарах... что они пытаются угрозами и даже убийствами вернуть свои дома... Жена моя впечатлительная, очень напугана. Слышите? – повернулся он к окну на женский голос, спросивший: «Аркаша, ты с кем там разговариваешь?», – на что Аркаша нашел что ответить:

– Не беспокойся... С пациентом... Я повторяю – интеллигентный врач-уролог. – И еще раз внимательно окинув взглядом гостя с ног до головы, сказал:

– Догадываюсь... Вы когда-то здесь жили... И пришли, так сказать, на экскурсию...

Только сейчас Муса заметил, что когда поселенец разговаривает, легкий шрам на его щеке стягивает губы, отчего тот слегка шепелявит.

Слова его так задели Мусу за живое, что он ответил с иронией в голосе:

– Какая экскурсия?! Здесь уже не на что любоваться – ни виноградника, ни кустов, инжира, ни цветов...

Мужчина пропустил мимо ушей упрек Мусы, и вернулся к своим переживаниям от встречи с ним.

– Когда я направил на вас ружье, то через мушку увидел, что вы не агрессивны. Подумал: приехал татарин покупать жильё... Нам строго-настроено запретили продавать ссильным... И в особых случаях, даже палить из ружья, как в Америке... Знаете, в Америке каждый гражданин имеет право с оружием защищать свою жизнь и имущество – это у них даже записано во второй поправке Конституции... – И словно вспомнив упрек Мусы, перевел разговор: – Виноградник, инжир... Когда мы въехали, все давно было погублено, то ли от безводья, то ли без ухода... И вообще, зачем нам инжир? Мы из Красноярска... В жизни не видели, как он растет... Колхоз, где я работал сельским доктором, как Антон Павлович Чехов, – ха!– ха!– ха!– значит гречихой.

Слушая терпеливо его монолог, Муса решил, что уролог давно ни с кем не разговаривал, и слова прямо-таки теснились в его груди, а красноярец, спохватившись, проявил вежливость: – Извините, я бы пригласил вас в дом, но жена хворает, никак не может привыкнуть к здешнему климату... Не поверите, когда мы въехали, здесь было кладбище костей – овечьих, конских – хлев полон скелетов и загон тоже... Странно, почему вы не забрали с собой в Среднюю Азию весь свой скот, а оставили здесь подыхать без воды и корма...

«Интеллигентный человек, а задаете подобные вопросы», – хотел было вставить Муса, но промолчал, подавив неприятный осадок в душе.

Не желая возвращаться на зов больной жены: «Аркаша!», он продолжал, не заметив, как изменилось лицо Мусы:

– Татарину, который как-то заглянул сюда, желая купить дом, я задал такой же вопрос, а он в ответ высказался аллегорически, мол, зачем нам скот, когда нас самих, загнали в телячьи вагоны... И вообще, первые два-три года здесь был не обещанный нам, переселенцам, рай, а крошечный ад. Дома, куда нас вселили, полуразрушены, в окна гуляет ветер, ни света, ни воды...

Пока уролог Аркаша не полностью излил душу, Муса осматривал дом снаружи, все перестроено, передано от крыши до фундамента, из хлева доносится запах навоза. Почти ничего, что возбуждало бы приятные воспоминания, а ведь казалось, ничто не может поколебать дух дома, где прожило семь поколений людей с именем Мамут.

– Вижу, вы насытили свое любопытство, – сказал Аркаша. – Мы красноярские – люди с распахнутой душой, выложим ее незнакомому человеку. Чопорные москвичи называют нас «балаболами» ... – И, давая понять, что пришло время возвращаться в дом к жене, спросил Мусу: – Может вам какой-нибудь сувенир на память? – и бросился в хлев, вынося оттуда конскую уздечку, обитую медными пуговицами с замысловатым узором, при виде которой у Мусы сжалось сердце – уздечку надевал он на морду Вефа и мчался за отарой овец...

– Спасибо! – дрогнувшим голосом проговорил Муса. И, помолчав, добавил: – Можно, я еще возьму с собой черепицу, сложенную в углу дома. Вам она не нужна?

– Берите, берите... еще от вас осталась книга в кожаном переплете с иероглифами. И оттуда же, из хлева вернулся с книгой, в ней Муса узнал Коран, по нему отец учил его аятам...

С торжественным видом протягивая Мусе книгу, пояснил:

– В ней широкие поля для записей... Хотел ее пустить на рецепты, но передумал... Здешняя вода видно не осваивается переселенцами – один прибегаёт с почечными коликами, у другого мочевого пузыря в камнях... Душа чувствовала, что книга должна дожидаться вас...

Муса полистал Коран, страницы которого слиплись от влажного воздуха. Взгляд его остановился на суре «Аль-Фуркан». Он приложил ритуальную книгу к губам и лбу, как делал отец перед чтением.

Уходя, он услышал:

– Аркаша, с кем ты был так долго...?

– Да, какой-то сентиментальный чудак... Тоскует о жизни, которую уже не вернуть...

«Асретлик». рис. Исмет Велиулла

VII

«Когда узрят они то пламя издали, услышат его шипение и рев... О, как взвоят они, убедившись в гибели...»

«Из прочитанного Мусой в суре «Аль-Фуркан».

Перебирая на крыше черепицу, Муса вдруг вспомнил случай из детства. Когда у него выпал первый молочный зуб, отец швырнул его на крышу, приговаривая:

«Мына санья кемик тиш. Бер манья алтын тиш».²⁸

Муса провел рукой по черепице, великодушно отданной добровольцем-поселенцем Аркашей, думая: не притаился ли зуб в трещине и ждет, когда молочный брат вернется на родину.

Воспоминания Мусы были прерваны шумом с улицы, производимым мотоциклом Сапрыкина.

С высоты было видно, как он затормозил у хлебного ларька, недавно возникшего в тридцати метрах от дома Мусы.

Мусса, каждый раз пытавшийся понять причину возникшего беспокойства, на сей раз так и не смог понять, что же его так взволновало при виде давнего своего преследователя Сапрыкина.

Заметив в открытую дверь столь важного гостя, продавщица Антонина Турчинова вышла ему навстречу в момент, когда лейтенант, желая показать даме удал, залихватски соскочил с мотоцикла.

– Ну, как торговля, Тонечка? – Сапрыкин, переступая через порог лавки, снял фуражку, обнажив подстриженную под модный «ежик» голову. Когда же это пекло сдует прохладой...?

Антонина поправила белую шапочку на голове, мимоходом глянув в зеркало на стене.

– Неплохо, Сергей Васильевич... Хлеб завозят в две смены... Берут за раз по десять-пятнадцать буханок ржаного.

– Ясное дело – на откорм свиней... – Сапрыкин пододвинул ногой скрипучий стул и сел: – А татары, небось, на самогон...

– Да нет, татары пекут свой хлеб – отъеж и катлама – так, кажется, называется...

Не зная, как поддержать разговор с краснощечкой, дорожной продавщицей, Сапрыкин озабоченно вздохнул:

– Измучался я с татарами... Жалуются, пишут всюду, что Москва им дала равные права со всеми – с тобой, со мной... Ну, зубрил я Конституцию Се– Се– Се– эР в милицейской школе... Помню, как сейчас, статью сорок четвертую, мол граждане Се– Се– Се– эР имеют равные права на жилье, на труд, образование и прочий отдых... – И внимательно оглядел Антонину с ног до головы, желая убедиться: впечатлило ли продавщицу его грамотность. – Так-то оно так... Но в области давеча нам приказали – всеми мерами изгонять их обратно в ссильные места, даже цифру назвали – сейчас в Крыму самовозвращенцев набралось около семисот душ... Велели вытравлять отсюда не только татарский быт и нравы, но и сам их предательский дух...

– Да вроде татары мирные, дружелюбные, – робко молвила Антонина, – Если и будут возвращаться... В селах много пустующих домов, только вот остерегаются их татарам продавать... Бояться их, думаю, не стоит. Нас здесь русских и украинцев в разы больше. Отуречивание нам не грозит...

Сапрыкин в ответ покачал головой, прилизывая мокрые волосы руками:

– Слаба ты, Тонечка, в масштабной, государственной политике... Начнется бардак крошечный... Будут требовать свои дома обратно, устроят повсеместно, как нам объяснили в области, «ночь длинных ножей» ...от твои родители, Тоня, получили жилье, как переселенцы, и мои тоже... Отстраивались, облагораживали, сколько сил потратили и средств. Детей нарожали, внуков... Правда, скажу по секрету, кое-кто на запрете делает хороший бизнес. Мы трудимся, изгоняя в поте лица их из Крыма. Купленные ими ранее дома, потом перепродаются нужным людям. Нам же, труженикам видимого фронта от этого бизнеса перепадают крохи...

Антонина догадалась, что речь о некоей Колос, чиновнице, о которой судачат в селе, но промолчала.

Да и Сапрыкин, жалея, что разоткровенничался, переменял тему:

– Кстати, Антонина, муж твой где?

От рева подъехавшей машины, ларек слегка затрясся.

– Вот и он! Легок на помине! – Антонина поспешила к дверям.

Вышел к подъехавшему хлебовозу и Сапрыкин.

– А, Володя Субботин, – молвил он с досадой, глядя, как блондинистый, широкий в плечах водитель выпрыгнул из машины. – Не знал, что он твой муж...

– Второй, – не без гордости заявила Антонина. – Тот пил не просыхая... Володя же аккуратный, трезвый, домосед...

Сдержанно кивнув лейтенанту, Субботин стал вытаскивать из машины лотки с хлебом, деловито сказав жене:

– Проверь накладные и не путайся под ногами...

Сапрыкин, отвернувшись, стал с беспокойством оглядываться по сторонам, глядя на часы. И, заметив вереницу велосипедистов, едущих по тропинке со стороны скотобойни, проворочал:

– Нет дисциплины! – И поехал навстречу к посту ГАИ.

Антонина, помогавшая мужу разгружать хлеб, напряженно всматривалась в лица велосипедистов, желая понять: не это ли парни, не единожды устраивающие факельное шествие по улицам села, выкрикивая угрозы татарам? По энергичной жестикуляции Сапрыкина, поняла, что лейтенант дает указания наиболее активному из своих дружинников – Монголу.

Монгол пытался вовлечь в свою компанию и Владимира, называя себя патриотом Крыма, но Антонина отговорила мужа, хотя Монгол обещал поделиться с ним от продажи дома выселенного возвращенца. Уверял клятвенно Монгол, что имеет связи не только в милиции, но и с влиятельными лицами в районе.

«Если не люди, то Бог разгневадается», – приводила мужу Антонина, как последний довод, частые наставления соседки Мезенчук.

Велосипедисты и Сапрыкин вскоре разошлись. Монгол зажег один из факелов, спрятанных заранее в

Ниязи Меметов, прихрамывая, переступил через порог дома Мусы:

– Так торопился, что не заметил валун на дороге, – объяснил он, крепко прижав Мусу в объятиях. – Мусорщикам нет дела до улиц Беш-Терека, не то, что в Самарканде, – все вылизано для туристов...

Устроившись под айваном, всматривались друг в друга, будто не виделись целую вечность, хотя Муса вышел из колонии месяцем раньше Ниязи.

– Шел к тебе, спотыкаясь о камни, и думал, если это несчастливое для нас время будет длиться десятилетиями, и наш народ не сможет вернуться в Крым, то нас с тобой и еще двух-трех возвращенцев будут показывать туристам, как представителей редких экземпляров коренного населения... как индейцев в резервации Америки...

Ниязи мог говорить часами, фонтанировать, иронизируя над всем и вся, в том числе и над своим маленьким ростом, говоря, что за непослушание мать наказывала его венником, невзирая на примету-предупреждение:

«Баланы сипиркинен урмагъа олмай, осьмез...»³³

Надо дать ему высказаться, тем более, Ниязи преподносит интересные, порой спорные суждения.

– Не думаю, что мы с тобой будем редкими экспонатами для туристов, – в тон Ниязи полусутоливо возразил Муса. – Наш народ не настолько беспамятен, чтобы Крым поменять на Мубарек, куда его воодушевленно заманивают и наши услужливые к властям...

Ниязи разомкнул высохшие губы, чтобы еще что-то сказать, но не решился: каждое слово Мусы было для него бесспорным еще со школьной скамьи, когда учились вместе в Узунджи. С тех пор, чувствуя в Мусе крепкий стержень и внутреннюю силу, считал его своим авторитетом и старался подражать ему, хотя и были они одногодки.

– Лучше расскажи, кому ты передал нашу группу взаимопомощи? – оживленно поинтересовался Муса.

– Сейдимеру Пинка... Ему еще полтора года сидеть, – Ниязи заметил, как засверкали глаза Муссы, то ли от мысли, справится ли Пинка, то ли вспомнил тяжкие условия самого лагеря. Брань надзирателей, побои, заточение в карцер – все это было особой «привилегией» для крымских возвращенцев, чтобы сломать их дух.

Еще в Чирчике Мусса, посещая кладбище, склонил голову над могилой Амета Моллаева, едва ли не первым начавшим борьбу за возвращение земляков в Крым, а перед смертью продиктовавшим то самое знаменитое «Завещание отца», ходившее по рукам и ставшим не только наставлением, но учебником для возвращенцев.

Попав в Кременчуг и насчитав в лагере с десятком осужденных возвращенцев, Муса собрал вокруг себя единомышленников и предложил назвать группу взаимопомощи имени Амета Молаева, чтобы память о нем помогала выдержать все тюремные невзгоды и правила, диктуемые паханами и «ворами в законе».

– Здесь что-нибудь изменилось для нас? – после недолгого молчания поинтересовался Ниязи, потирая ногу.

– Бу ер ят-ябан толуп къалгъан³⁴, – пожал плечами Муса, добавил:

– В какую контору не сунься – все глухо... Милиция и следователи штампуют под копиру дела против наших. – Поднявшись, Муса в беспокойстве зашагал взад-вперед. И, наблюдая за его походкой, движением рук, Ниязи казалось, что огонь возмущения, всегда горевший внутри друга и обжигающий его, вырвется наружу громком возмущенным монологом:

– Пока мы были в заключении, из Беш-Терека выслали под конвоем Джемиля Куртсеитова – ты его знаешь, пекаря – с женой и двумя детьми, нашего врача Эсмера Мазинова с тремя малолетками, у одного из них – эпилептика – случился припадок... И Фатыму Губанову с детьми под конвоем... а муж ее – Усеин, ты знаешь, и по сей день в Кременчуге по знакомой нам с тобой статье... А в доме учителя Рустема Карабаша экскаватором снесли крышу... – Муса с каждым шагом еще сильнее возмущался:

– Нет, друг Ниязи, хватит уповать на милость беззаконников! Мы обращаемся в Москву, Киев, доказывая свои равные права со всеми гражданами. В итоге, наши письма, телеграммы попадают в руки таким же, как и здесь, беззаконникам, мелкому служаке, а он отфутболивает их обратно тому же Сафронову, в сельсовет, следователю Пономареву... И все опять вращается в шайтановом колесе... Наша наивная вера в закон и справедливость исходит из того, что мы, крымские, всегда старались все решать мирно... Расскажи мне хоть об одном случае, чтобы наш подросток-несмышляныш, в доме которого сносят крышу, или отчаявшаяся пожилая женщина, видя, как дружинники Монгола старика-отца, связанного, везут на вокзал... Ты знаешь хоть один пример сопротивления, чтобы кто-то из них поднял камень и разбил окно в том же сельсовете? Или в милиции?.. Преследователи пользу-

ются нашим долготерпением... Пора менять способы борьбы... Совершить нечто такое... громкий поступок, чтобы дрогнули наши мучители...

Сказанное Мусой было созвучно тому, о чем думал и Ниязи, хотя и не знал, как еще противостоять произволу, поэтому произнес задумчиво:

– Какую тактику нам еще выбрать... не знаю, – слова его были прерваны появлением во дворе Дилары с чайником и оладьями с вареньем на подносе.

Поздоровавшись, Дилара положила поднос под навес, и чтобы разрядить обстановку, Ниязи заметил, обратившись к девушке:

– О! Къыдырлез ляляси кибис³⁵... Когда будем справлять свадьбу?

Польщенная таким сравнением, Дилара смущенно потупила взор, замедлив шаг:

– Мне, Ниязи-агъя, паспорт не выдали... Всем одноклассникам на выпускном вечере вручили, а мне директриса заявила: мол, тем, кто незаконно проживает в Крыму, паспорт не положен.

Асан Бараш

Заметив, как губы дочери задрожали от обиды, Муса положил руку на ее плечо и успокаивающе молвил:

– Потерпи немного, все наладится. – И перевел разговор в шутку: – Конечно, какая невеста идет под венец без документов? Жених засомневается...

И Ниязи, желая развить щекотливую тему, высказался:

– Лишь бы нашелся достойный жених, можно никак³⁶ в мечети... без всякого штампа в паспорте, как было у наших бабушек и дедушек... Правда, с этим придется подождать... мечети и медресе сейчас отданы под колхозные склады...

Провожая взглядом расстроенную Дилару к дверям дома, мужчины тягостно молчали. Из сказанного со страстью Мусой Ниязи понял, что он на грани чего-то отчаянного, дабы разорвать порочный круг унижения, в котором он и его земляки оказались, вернуться на родину, окруженные заградительными кордонами.

Однако направляясь к воротам, Ниязи не осмелился спросить: что такое задумал Муса, как намерен действовать дальше, не хотел лишний раз тебить его душу.

У ворот Муса столкнулся почти лицом к лицу с Сапрыкиным, в расслабленной позе сидящим на мотоцикле, выткнув ногу на руль.

«Приехал узнать, подействовало ли на меня факельное шествие Монгола? – сразу же догадался Мамут, – и следом, еще надавить...»

На сей раз лейтенант не зашел, как обычно бесцеремонно в дом, а ждал пока друзья выйдут на улицу. Видно, проследил, куда направляется, вышедший накануне из заключения Ниязи, чтобы заодно и ему напомнить свою любимую поговорку: «Незванный гость – хуже татарина».

С бесстрастным лицом Сапрыкин протянул Мусе бумагу:

– Тебе – уведомление... Подпишись в получении... Первым порывом Мусы было: закрыть ворота перед носом лейтенанта, но с трудом сдержал себя. Ниязи, положив руку ему на плечо, чтобы успокоить, наклонился и пробежал глазами строчки уведомления, затем заново стал читать шепотом, будто помогая Мусе

осмыслить написанное:

«Районный суд г. Симферополь, вновь рассмотрев заявление председателя донского сельсовета Сафронова А. А. о незаконном проживании на территории данного сельского совета гражданина Мамутова Мусы и членов его семьи в доме номер 186 по улице Комсомольская. Несмотря на меры административного и уголовного воздействия в отношении Мамутова Мусы и его жены Абдуллаевой Зекие, семья продолжает незаконно проживать на территории Крымской области. В связи с вышеизложенным суд постановил: жителям вышеуказанного дома в течение 24 часов покинуть пределы Крымской области. В случае неисполнения решения суда, дом номер 136 будет подвергнут сносу, как неоформленное по закону строение...»

– Уже гуманный прогресс, – усмехнулся, по-прежнему сдерживая гнев, Муса, и Ниязи почувствовал, как задрожало его тело. – Не пятнадцать минут на выселение, как в мае сорок четвертого, а целые сутки в июне семьдесят восьмого.

– Ну, за что вы терзаете человека?! – сделал шаг в сторону Сапрыкина Ниязи, нахмурив брови. – Сколько можно?!

– Спокойно! – поднял руку, отступая назад лейтенант, но увидел, что ни Муса, ни Ниязи не проявляют агрессии, предупредил повелительным тоном:

– И тебе, гражданин Меметов, не мешало бы подумать, как узаконить свое пребывание в Крыму, дабы снова не загнать в лагерь... – и несколько смягчив тон, обратился к Мусе: – Распишись, Миша, в получении уведомления. – И добавил: – а вообще-то тебе своих голодающих детей не жалко? А еще говорят: татары в детях души не чают... Не лучше ли – обратно в Ташкент – город хлебный... А то ведь новый срок схлопотать не трудно... Кременчугский лагерь он – резиновый, всех разместит по нарам...

Ниязи почудилось, будто в глазах Мусы вспыхнул огонь:

– Передай своему суду: меня теперь голыми руками не взять!

– Ты так уверен? – усмехнулся Сапрыкин, поудобнее устроившись на мотоцикле.

– Да, уверен! При любом исходе – живой или мертвый, я остаюсь в Крыму. – И порывисто обняв Ниязи, Муса повернулся было к воротам дома, но Ниязи успел схватить его за руку:

– Они просто запугивают... И не смей говорить о смерти... Не давай нашим мучителям повода для радости... хотя я понимаю, что ты выразился чисто символически...

Муса успокаивающе кивнул:

– Да, да, символически, – и, улыбаясь через силу, добавил: – Это когда все, в том числе жизнь и смерть, приобретают особый смысл...

Ниязи, чтобы прощение с другом не казалось столь тягостным, сказал вслед отъезжающему лейтенанту:

– Эки козюньнинь бирини чапчип алыр...³⁷

XI

«Будь же тверд на прямом пути, как тебе велено вместе с теми, кто поклялся нарядом с тобой»

(Коран, Сура «Худ», прочитанная Мусой на заре этого дня).

Лейтенант Сапрыкин взял себе за приятную привычку – приезжая по служебным обязанностям в Беш-Терек, обязательно заглядывать в хлебную лавку Антонины.

Деревянное строение с надписью «Хлеб и разливное масло» было прижато к углу дома Мезенчук. Из распахнутого настезь окна Афросьи доносился наружу ее шепелявый голос, произносящий нараспев молитвенный псалом:

– Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит с грешниками, и не сидит в собрании развратителей... Амин...

Сапрыкин, не спешившись с седла, протянул руку, закрыл оконные ставни, дабы покупатели хлебной лавки не слышали, как он выражался, «этот старухин бред».

Услышав за дверями шум мотора, Антонина тут же метнулась к зеркалу и принялась прихорашиваться, проводя помадой по чувственным губам.

Антонине импонировал столь частый визитер. Играя природным женским кокетством, она видела в Сапрыкине защитника, на случай, если ревизоры обнаружат в ее бухгалтерии несостыковку дебета и кредита. И хотя продавщица, как и ее муж хлебовоз Володя были работниками честными, думалось ей: неизвестно, где и как черт может спутать кассу.

Лейтенант, к слову и не к слову, в разговоре с ней, хвастал своими связями, называя имена Клавдии Ивановны Колос из райисполкома, прокурора Зубарева, следователя Пономарева, а со своим непосредственными милицейским начальником Денисовым он вообще на короткой ноге, пьет на брудершафт и ездит в его веселой компании на охоту, где вместе со служебной собакой Зевсом выступает в роли гонимого еге-

³⁷ «В любую минуту готов лишиться тебя второго глаза» – крымскотатарская поговорка о зловредном человеке.

³⁸ «Как имперский генерал» (крымт.).

³⁹ У нее парные родинки (крымтат).

⁴⁰ «Пусть Господь призывает меня, а тебя оставит» (крымт.).

⁴¹ Крымскотатарские шутки-прибаутки, взяты из книги С. Усеинова «Нутукъ медениети».

⁴² Самоубийство (араб.).

⁴³ Ритуальное омовение перед молитвой (араб.).

⁴⁴ Молитвенный коврик

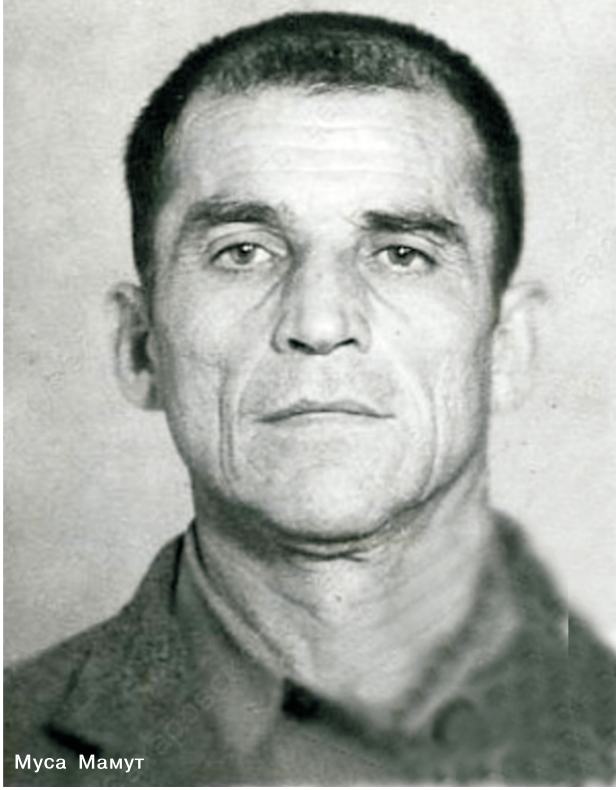
⁴⁵ Наотрез отказался идти (крымт.).

⁴⁶ Пусть Аллах даст терпение тебе (крымт.).

⁴⁷ Прощайте, друзья (крымт.).

⁴⁸ Интихар – самоубийство в исламе строго запрещено, его грех считается больше, чем грех убийства другого человека. Совершивший интихар, однако, не считается вышедшим из ислама. Некоторые богословы спорят: следует ли читать джаназе (молитва за упокой) над самоубийцей. Однако, известен случай, когда пророк Мухаммад (мир ему и благословение Аллаха!), прочитал над совершившим интихар джаназе, а высшего авторитета в исламе, чем Мухаммад (с. а. с) нет. (Пояснение автора).

⁴⁹ По древнему тюркскому обычаю вокруг могилы воина-героя совершали девять поминальных кругов (крымтат.).

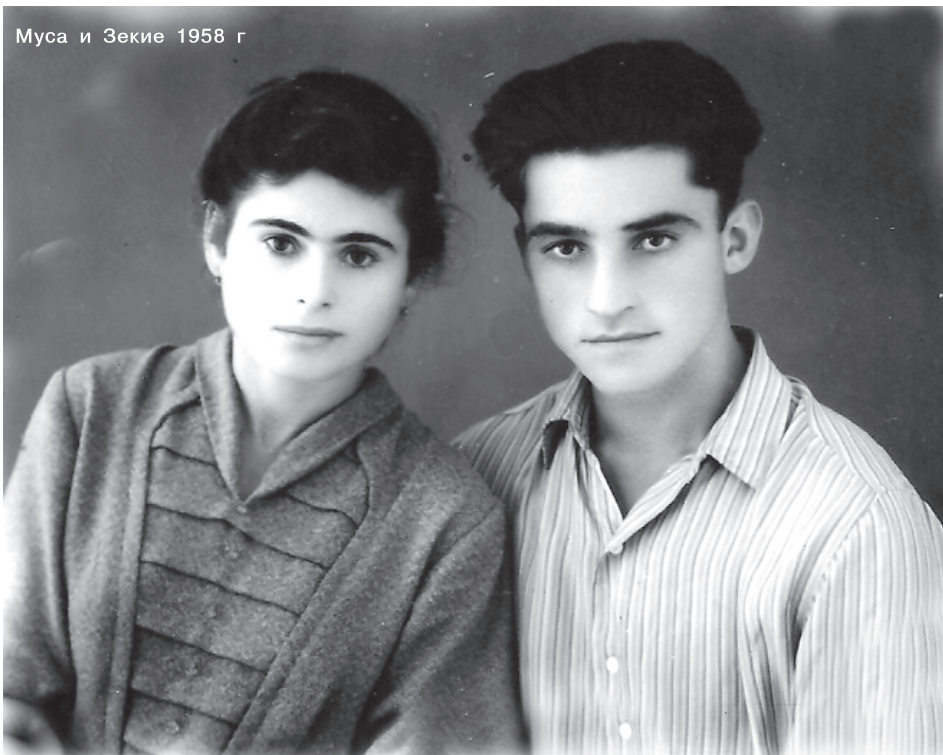
Муса Мамут

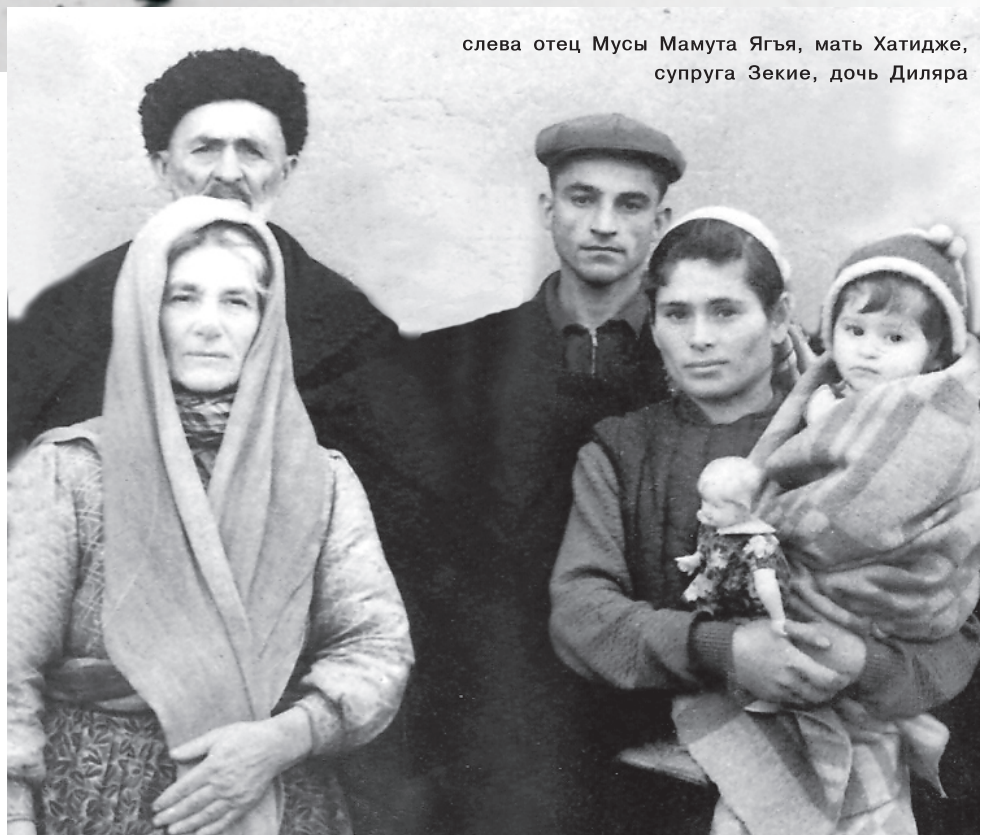
Колодец вырытый Мусой Мамутом
На фото его внук Муса

Похороны Мусы Мамута

Муса и Зекие 1958 г

слева отец Мусы Мамута Ягъя, мать Хатидже,
супруга Зекие, дочь Дилияра